

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
Ирина БЕРТМАН
В «пятерку» по всем видам спорта!
- 10** РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Альбина ГУМЕРОВА
Эльбрус. Перегрузка
- 18** БУДЬ ЗДОРОВ
Альбина АБСАЛЯМОВА
Со всеми подробностями
- 22** ФОТОЗАРИСОВКА
Юлия КАЛИНИНА
Масленичные бесчинства
- 24** 100 ЛЕТ ТАССР
Альбина АБСАЛЯМОВА
*«Есть у революции начало, нет у революции конца»
Интервью с генеральным директором Национального музея РТ Гульчачак Назиповой*
- 30** МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Юрий КАРПОВ
Искусство сохраняет искусство
- 34** ПРОЗА
Равиль БУХАРАЕВ
Ханский водомет
- 39** МИНИАТЮРЫ
Наиля АХУНОВА
- 40** ПОЭЗИЯ
*Стихи авторов ЛИТО
«Белая ворона»*

70

44 В ПЕРЕВОДЕ
Набира ГИМАТДИНОВА
Ангелы

52 Рамис АЙМЕТ

54 Рафкат КАРАМИ
Сладкая рябина

58 ПРО ЧТЕНИЕ
Абдулла ДУБИН
Богом единым ведомые...

64 Радиф КАШАПОВ
«Здесь будет все: пережитое и то, чем я еще живу...»

68 МУЗПРОСВЕТ
Фарид ХАЙРУЛЛИН
Новый альбом Rolling Stones

70 ПРОГУЛКА СО ЗВЕЗДОЙ
Альбина АБСАЛЯМОВА
Одиссеи Альберта Галимова

76 ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНOM
Фарид ХАЙРУЛЛИН
Кен ХЕНСЛИ: «Я с детства мечтал стать рок-звездой, как Элвис Пресли»

78 МНЕНИЕ
Кирилл ЗУЛКАРНАЙ
Скорпионы, клещи, песочные блохи...

80 DIXI
Айса АХМЯРОВ
Быть патриотом – дело чести

Лина Набат

***

Если ты меня любишь,
Люби меня разной:
Худой и толстой,
Деятельной, несуразной,
В настроении и без настроения,
В горе и в радости,
В здравии и в болезни,
В нищете и в богатстве,
Как говорится,
Если ты меня любишь,
Люби меня всю,
До малой родинки на ягодице,
До упавшей реснички,
До косметики, растекшейся по лицу.
Не говори мне, что я такая...
Я какая есть –
Не лучше и не хуже,
И когда после обеда икаю,
Я знаю, – ты обо мне вспомнил,
Ты мне нужен.
И когда я с тобой танцую,
Наступая на твои лакированные штиблеты,
Не думай, что я тебя провоцирую,
Я радуюсь, что мы танцуем,
Что мы молоды,
Что над нами лето.
Я тебя не брошу в бесславые,
Не отпущу одного в безвестность
И то, что на роду написано, исправлю,
Расплескав через край нежность.
Если любишь меня,
Люби меня так,
Чтобы я о другом не мечтала,
Чтобы в мыслях была с тобой,
Чтобы все началось с Начала:

С сотворения Мира,
С Адама и Евы,
И никого кругом.
Если любишь,
Люби, как в первый
И последний раз,
Потому что потом –
Разлюбишь.
А когда ты станешь
Толстым и лысым
Или худым и седым, –
Отдам все за то,
Чтобы быть с тобой,
Отгонять от тебя
Назойливых мух,
Сигаретный дым.

Фото из открытых источников

ПОРТРЕТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ОТ ТАТАРСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ В ПЕРЕВОДЕ
НАУ МИ... РО ЧТЕНИЕ
ПРОЗ А VS... ИКСАЦИЯ
ИМ ТОЖЕ Б... СКОГО КНИЖНОГО
ИЗДАТЕ... ТОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ВЕЧНЫЙ

> АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

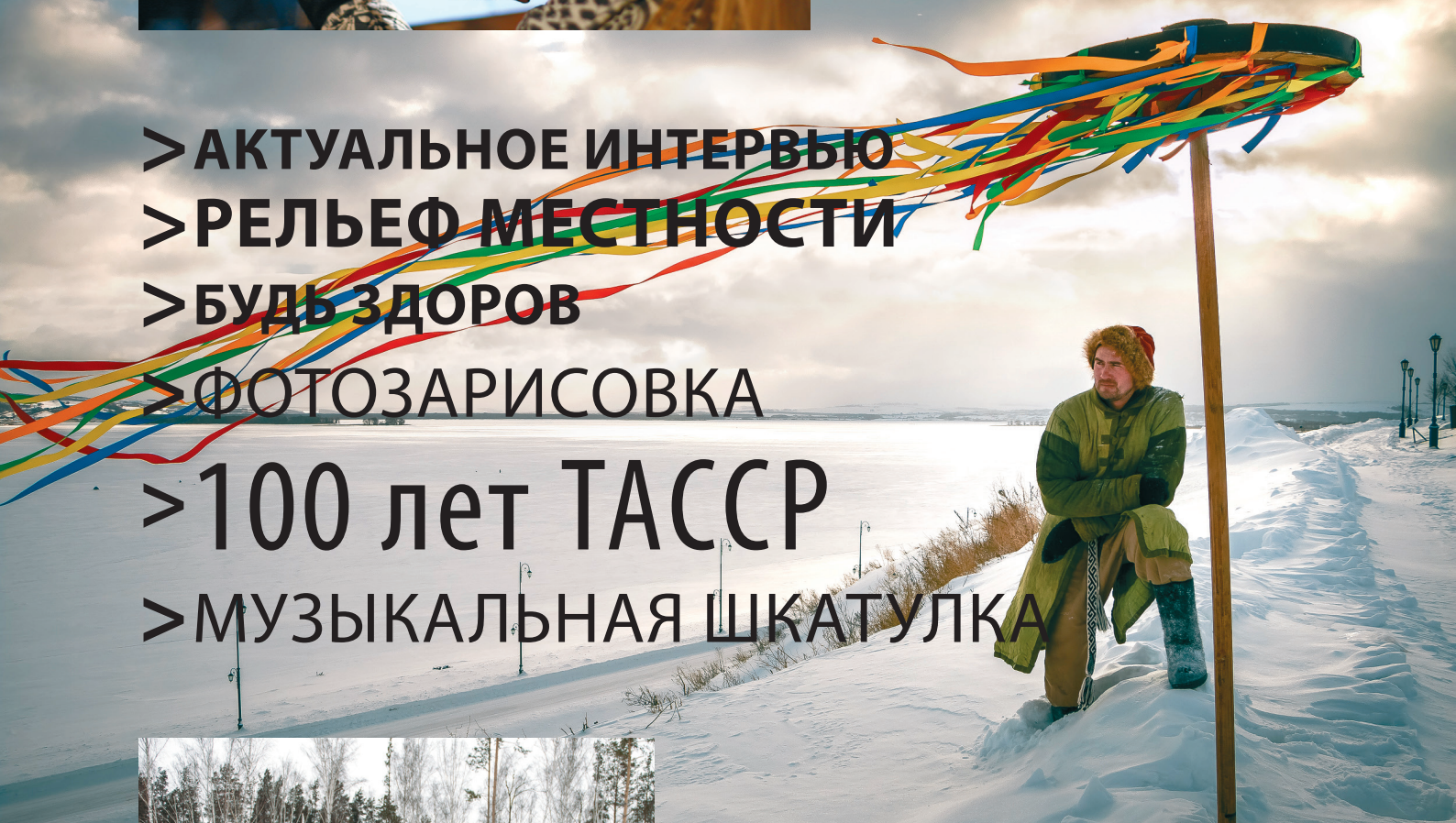
> РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ

> БУДЬ ЗДОРОВ

> ФОТОЗАРИСОВКА

> 100 лет ТАССР

> МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

НАУ ПРО ЧТ
ОТ ТАТАРСКОГО КНИЖНОГО
БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО КНИЖНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ВЕЧНЫЙ

► Ирина Бертман

В «ПЯТЕРКУ» по всем видам спорта!

Заинск сегодня – один из успешно развивающихся спортивных районов республики. Это касается и массовых занятий физкультурой, и успехов в профессиональном спорте. О том, как приходят к таким результатам и что нужно для того, чтобы, достигнув успеха, твердо укрепить позиции и идти дальше, мы беседуем с главой Заинского муниципального района Рашифом Галиевичем КАРИМОВЫМ.

– Жить и работать в Татарстане, не занимаясь физкультурой и спортом, практически невозможно, настолько развиты в республике инфраструктура и культ здорового образа жизни. Наша республика дала большому спорту немало выдающихся личностей. Мы ими гордимся, с них берет пример подрастающее поколение. Наша заинская земля – родина олимпийских чемпионов по лыжным гонкам в Саппоро Федора Петровича Симашева, по хоккею с шайбой в Калгари Евгения Васильевича Давыдова.

Каждый из руководителей знает, что самый успешный проект – это идея, пришедшая от наших жителей. 2015 год в нашем районе был объявлен Годом Человека труда. Заинцы, усвоившие, что нам важен каждый из них, что работа каждого видна и

поощряется, сами стали спрашивать: «Какой же человек труда без крепкого здоровья? Какая высокая производительность труда, дисциплина без здорового образа жизни? Какое будущее у района, если молодежь не увлечет спортом, а старшему поколению не предоставить весь спектр возможности продлить годы жизни?» Так общими пожеланиями мы пришли к единому мнению: 2016 год объявили Годом спорта и здорового образа жизни.

Прежде чем называть Год, разработали программу действий. Шутим, что в бумажной версии все эти разработки тянут на солидный сборник сочинений классиков! Однако именно такой скрупулезный подход к решению вопроса позволил нам заговорить о пятилетке здоровья в районе. Согласитесь, марафонцу нельзя

сказать о том, что через 200 метров дистанция закончена только потому, что вышло календарное время. Позже мы раскроем, каким стал для нас 2016 год, а сейчас, продолжая тему наименования года в районе, хочу сказать, что вполне логичным было

в продолжении заявленной высокой планки действий назвать 2017 Годом детей и молодежи.

– Вернемся к 2016-му...

– Как я уже сказал, в районе год был объявлен Годом спорта и здорового образа жизни. Несомненно, он удался. Не было ни одной недели, чтобы не проходило соревнований – от дворовых игр до турниров республиканского и всероссийского масштаба. Мы существенно приблизились к главной цели - массово вовлечь все возрастные категории населения в спортивное движение. Ощутимым толчком к этому послужила и вновь восстановленная спартакиада коллективов предприятий, в том числе небольших фирм и учреждений, а также турниры среди ветеранов и пожилых людей, игры и соревнования для детей. Сегодня каждый житель нашего района имеет возможность заниматься спортом на любом спортивном объекте, выбрав один из семнадцати видов спорта, получивших развитие в нашем районе.

**В минувшем году
заинские спортсмены
завоевали свыше
300 медалей разного
достоинства.**

Немало сделано и для создания инфраструктуры массового спорта. Построено пять универсальных спортивных площадок. Успешно функционируют запущенные по инициативе Федерации лыжных гонок и биатлона две освещенные трассы и лыжная база с прокатом на 150 пар лыж. Завершен капитальный ремонт здания ДЮСШ им. олимпийского чемпиона Федора Петровича

Симашева. Продолжается поэтапная реконструкция стадиона «Энергия»: выполнены работы по устройству беговых дорожек и двух легкоатлетических секторов.

В минувшем году заинские спортсмены завоевали свыше 300 медалей разного достоинства. Среди победителей – трехкратная чемпионка мира Регина Салихова, впервые в истории Заинска удостоенная в этом

В течение года спортсмены Заинского муниципального района приняли участие в

103 – соревнованиях местного уровня,

125 – республиканского,

34 – всероссийского,

3 – международного уровня.

тренеров Ревиных, юных футболистов, возглавляемых наставниками Ильшатом Халиковым и Ринатом Бикмеевым, хоккейных дружин, команд легкоатлетов. Прорывными для нас стали победы в хоккее и футболе: III место в финальных соревнованиях Республиканского этапа юных хоккеистов 2003-2004 г.р. на приз клуба «Золотая шайба» им. А.В. Тарасова; III место в Первенстве по хоккею среди команд юношей 2004 г.р., III место в Чемпионате и Первенстве РТ по хоккею среди мужских команд, II место в Первенстве РТ по футболу Дивизиона «Б» среди юношей 1999-2000 г.р.

Впечатляющих результатов добились наши лыжники, представляющие сборную Республики Татарстан на недавно прошедших всероссийских турнирах. Это Петр Коронов, Анна Нечаевская, Егор Казаринов. Кстати, Петр Коронов родом из того же села и учился в той

году звания Заслуженного мастера спорта России по борьбе на поясах, многократный чемпион Республики Татарстан по борьбе курэш Радик Салахов, обладательница кубка мира по борьбе на поясах Екатерина Бусова, чемпион мира по гиревому спорту Рафис Гатин. В 2016 году воспитанникам ДЮСШ присвоено 190 массовых разрядов, 70 воспитанников подтвердили разряды, 11 воспитанников присвоен I спортивный разряд, 5 воспитанникам присвоено звание «мастер спорта», 15 воспитанникам присвоено звание КМС.

Весомы были успехи борцов Киокусинкай во главе с династией

Число жителей, регулярно занимающихся массовым спортом, составляет в районе почти 45% населения.

же школе, что и гордость Заинского района, да и всего российского спорта – Олимпийский чемпион Федор Симашев.

В 2016 году Республиканской федерацией национальной борьбы нам была впервые оказана честь провести в районе одно из престижнейших соревнований – турнир на призы поэта-героя Мусы Джалиля. По мнению болельщиков, спортсменов и судейской коллегии, он был проведен на высоком уровне. Блестящим оказался и спортивный результат: среди 50 команд сборная Заинского района завоевала общекомандное первое место. Необходимо и дальше наращивать спортивный потенциал – только тогда мы сможем удержать завоеванные позиции.

С 2014 года в районе действует муниципальная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта на территории Заинского муниципального района». Число жителей, регулярно занимающихся массовым спортом, составляет в районе почти 45% населения. Как во всякой программе, в нашей были отражены цели. Озвучу одну из них: войти в «пятерку» лидеров республики по всем видам спорта. Сегодня можно честно сказать, что по основным видам спорта, культивируемым в республике, мы эту задачу выполнили. Оказалось, что если подойти к поставленным задачам с

четко продуманными действиями и заинтересованным отношением, то и показатели порадуют. Впервые в истории Заинска на старт «Кросса наций» вышли 7000 человек. Также впервые на старт вышли воспитанники дошкольных учреждений. Развитие волейбола в районе угасало до такой степени, что максимум четыре команды могли выйти на соревнования района... Новый импульс придали программные действия, и вот уже на соревнования «Саламәтлек», проводимые среди предприя-

тий и организаций города и района, по данному виду спорта выходит 14 команд.

Ведётся и работа по привлечению к занятиям физической культурой и спортом людей с ограниченными возможностями здоровья. Их численность в районе – 3 002 человека, в том числе 185 детей. Количество занимающихся адаптивной физической культурой составляет 528 человек, это 17,6 % от общего количества. В 2016 году в рамках программы «Доступная среда» в спортивно-оздоровительном комплексе Заинска были выполнены работы на сумму 1 млн. рублей. Члены общества инва-

организации тренировочного и соревновательного процессов, по пропаганде физической культуры, спорта и здорового образа жизни ведут 4 детско-юношеские спортивные школы: «Барс», «Зай», ДЮСШ им.Ф.П. Симашева, «Яшьлек». В спортивных школах работают 63 тренера-преподавателя, из них штатных сотрудников – 55, занимаются 2104 воспитанника.

Второй год проходит республиканский турнир по корэш памяти Р.Ш. Фардиева. Точнее, у турнира гораздо большая история, но в ранге респу-

лидов бесплатно посещают спортивный и тренажерный залы, бассейн, стадион «Энергия», Ледовый дворец, тренажерный зал Центра социального обслуживания населения «Радость». Создаются все условия для участия заинской команды в республиканских соревнованиях. В прошлом году у нас в районе прошел чемпионат Республики Татарстан по шахматам, русским и международным шашкам среди инвалидов всех категорий.

В течение года проведены соревнования Спартакиады «Сәламәтлек» среди предприятий, организаций и учреждений города по 17 видам спорта и среди сельских поселений и подразделений агрофирм по 14 видам спорта. Победители и призеры были награждены спортивным инвентарем на общую сумму 400 000 руб. Особо хочу отметить количество болельщиков на этих соревнованиях: приходят коллективами, семьями, большими компаниями друзей. Зараженные этим вирусом единения спортом, дети могут выплеснуть свою энергию и на ежесубботных мероприятиях в детских садах, где соревнуются в различных семейных спортивных конкурсах и эстафетах. Таким образом, устанавливаются

четкие позиции здорового образа жизни: успех – дело доброе, коллективное, важно быть в семье, важно быть здоровым. Для воспитанников детских садов проводятся экскурсии по спортивным объектам города.

Впервые в 2016 году в рамках спортивного праздника «День физкультурника» среди команд дошкольных образовательных учреждений был проведен фестиваль «Подружись со спортом».

На территории Заинского муниципального района работу по

**В ближайшие 2-3 года
Заинский муниципальный
район получит более
миллиарда бюджетных
инвестиций на
развитие спортивной
инфраструктуры.**

бликанских соревнований он проходит второй год. В соревнованиях принимает участие более 200 борцов из Татарстана. По итогам соревнования в общекомандном зачете команда Заинского района второй год занимает I место. Остановливаясь на этом мероприятии, потому как здесь переплетаются спорт, история, верность долгу и вера в то, что доброе дело и настоящие поступки живут долго. Это еще раз показывает многосторонность спорта в нашей жизни. В республиканских соревнованиях по «корэш», посвященных Дню работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности на призы Министерства сельского хозяйства и продовольствия РТ, где приняли участие 323 сильнейших борца Татарстана, сборная Заинского муниципального района заняла III общекомандное место. Для нас эта «бронза» особенно ценна тем, что впервые в истории этих соревнований заинцы вошли в тройку лидеров.

На территории Заинского муниципального района продолжается работа по внедрению Всероссийского физкультурно-спортивного комплек-

са «Готов к труду и обороне». На протяжении 2016 года на спортивных объектах тестирование прошли не только школьники, но и работники всех сфер деятельности района.

Физическая культура и спорт ведут к здоровому развитию нации. Позвольте от себя лично и от имени заинцев поблагодарить Президента Республики Татарстан Рустама Нургалиевича Минниханова за успешно продвигающиеся в республике программы развития физкультуры и спорта. В ближайшие 2-3 года Заинский муниципальный район получит более миллиарда бюджетных инвестиций на развитие спортивной инфраструктуры. В нашем районе с деловым визитом побывали министр спорта России Виталий Мутко, руководитель Федерации борьбы России Заудат Миннахметов, действующий и экс-министры спорта Татарстана Владимир Леонов и Рафис Бурганов. В реализации наших планов в сфере спорта мы постоянно ощущаем поддержку и участие Президента федерации лыжных гонок и биатлона РФ Елены Вяльбе, Президента лыжных гонок РТ Ильшата Фардиева.

На 2017 год у нас немало планов.

Ведем подготовку к XI Спартакиаде учащихся Республики Татарстан, к Республиканским соревнованиям по корэш на призы памяти героя – поэта Мусы Джалиля, к финальным соревнованиям X-ых летних сельских спортивных игр «Авыл яшьляре» РТ, которые планируется провести в Заинском муниципальном районе с 9 по 13 июля 2017 г. Приглашаю команды всех районов республики участвовать и посмотреть столь захватывающие спортивные зрелища. Заинск готов быть площадкой дружбы для молодежи не только нашей республики, но и всей страны. ■

Мой друг, прозаик Вячеслав Ставецкий любит горы. Много где был, на Эльбрусе – четыре раза и всегда добирался до вершины. Для меня такая гора впервые. Юго-восток Крыма, который я вдоль и поперёк облазила, не считается, ибо то были холмы, самая высокая точка – гора Эчкидаг (козья гора) 670 метров над уровнем моря. Эльбрус, как известно, 5642. Слава советовал тренироваться перед поездкой: минимум месяц ежедневных пробежек. Я честно готовила с вечера форму, ставила будильник на пораньше, но...

Начался учебный год, моя дочь пошла в первый класс, казалось бы: как тут поедешь? Но сердце подсказывало мне, что я должна на Эльбрусе побывать. А суперудобного момента для поездок и прочих свершений не будет никогда. «Ты никогда ничего не совершишь, если будешь ждать идеальных условий», – верно заметил какой-то мудрец...

Слава прислал смету: ночевки в гостиницах и приютах, прокат ботинок, «кошек» (подошвы с шипами, которые крепятся на ботинки, чтобы карабкаться по ледяному склону), рюкзаки на 80 и 20 литров, термобелье, трекенговые кроссовки, билеты до Ростова, а самое главное для меня – найти человека, который остался бы с моим ребёнком. Позвонила маминим подружкам-пенсионеркам – все отказались. Я отчаялась было, желание поехать превратилось в упрямое «всё равно будет по-моему!», поиски няни отняли много энергии... Отпустила ситуацию, сказала себе: «успеешь ещё...» И тут позвонила двоюродная сестра, узнать, как мы поживаем. Она пригласила мою дочку погостить в деревне. Чудом успела я купить билет

► Альбина Гумерова

до Ростова, открыла список необходимых вещей. Только налобный фонарик у меня был, а денег чуть больше пяти тысяч.

За день до отъезда мой любимый не выдержал и приехал из другого города, чтобы собрать меня в дорогу. Он был не в восторге от этой поездки – сомневался в моей физической подготовке и моей «брутальности»: всё-таки условия на Эльбрусе не для девушки. Но как же приятно, когда любимый мужчина доверяет, не сомневается в моих словах! И снаряжает в опасную поездку, идя против своих желаний, но учитывая и уважая моё. Быть возлюбленной такого человека не только большая честь, но и большая ответственность. Он умеет любить, и мне есть, чему у

него поучиться... Рано утром отвезли дочку в деревню к моей сестре, а ночью я уже лежала на верхней полке плацкарта. Полтора дня дороги – наконец, выспалась!

Мне приснился отец. Тринадцать лет, как нет его в живых. Видела папино лицо крупным планом. Лицо тревожное, озабоченное, сосредоточенное. Проснулась – не придала значения.

В Ростове настоящее бабье лето, двадцать градусов тепла. Вячеслав меня встретил, мы немного погуляли по городу, погрелись. Вечером уложили наши рюкзаки и в девять легли спать. В четыре утра за нами заехал ещё один Вячеслав, мы с трудом впихнули всё в его «какцент» и отправились в наше путешествие.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

К подножию Эльбруса (высота 2350 метров над уровнем моря) мы прибыли в два часа дня. Поставили машину на стоянку и заселились в крошечную гостиницу. Хозяева — люди гостеприимные и цены не задирают. За трехместный номер заплатили по 600 рублей. Отрадно, что основной поток туристов схлынул, людей было мало. Любезная Танзиля (так и хотелось обратиться к ней нашим родным «апа»), приготовила для нас хычин (чем-то напоминает татарское кыстыбы: тоже сухая лепешка, открытая, припорошенная тёртым картофелем, с фаршем или сыром). Приятным сюрпризом стало то, что в неограниченном количестве проживающим полагается чай,

заваренный на изумительных травах. Ну а настоящим чудом стало варенье из молодых шишек! Шишка, оказывается, внутри очень нежная, сладковато-хвойная, терпкая. Никогда бы не подумала, что у шишки, простой сосновой шишки такое мягкое, вкусное нутро. И лишь старясь и ссыхаясь, она раскрывается своими чешуйками и ею можно, к примеру, топить печь. Так или иначе, шишка служит человеку: пока она молода и зелена, ею можно лакомиться, как только она состарится, ею можно согреться. Нужно только не лениться, выйти и собрать — лес рядом. Танзиля рассказала, что молодые шишки заливают крутым кипятком и сутки отмачивают, тогда из них уходит вся горечь. Шишкинское варенье можно приобрести в любой гостинице и на небольшом рынке, однако оно недешёвое (оплачивается, видно, сама идея) 250-300 рублей за 0,5 баночку. И всё же одну мы купили и взяли её с собой на высоту.

После обеда, оставив в номере термосы, рюкзаки на 20 литров и прочие необходимые для ночевки вещи, забросили за спину 80-литровые и, заплатив в кассу 1,5 тысячи, прыгнули в кабину канатной дороги до конечной станции «Гара-Баши».

Кабины закрытые и тёплые, поднимаемся медленно, наслаждаемся видами. Пока еще не слишком высоко, а потому зелено и нет снега. Пересаживаемся на станции «Мир». На улице хоть и ветрено, а тепло.

Высота 3750 метров. У приюта «Бочки» ставим Славину палатку (мой друг не сторонник приютов, любит быть один, а спальник у него рассчитан на минус 30), прячем в неё наши рюкзаки и спускаемся обратно в гостиницу. Пока еще комфорт: горячий душ, белые простыни. И сохраняется ощущение того, что ты на земле, хотя это уже приличная высота. Вячеслав заставлял нас горстями лопать аскорбиновую кислоту и пару раз в день пить аспирин, чтобы разжижать кровь. А также мы запаслись даикарбом, который снимает отёк с лёгких и симптомы «горняшки».

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром мы вновь съели по хычину, заправили горячим чаем термосы, забросили за спину 20-литровые рюкзаки и отправились пешком к «Бочкам», на станцию Гара-баши. Кругом пока зелено, под ногами щебёнка, скальник сухой, а потому нет ощущения, что приехали на чужбину,

Гостиница. Высота 2350 метров над уровнем моря

оторвались от земли. Не спеша шагаем ввысь – такую незначительную для неба и такую ощутимую для человека. Шагаем в обычных трекинговых ботинках, подъём местами очень крутой, но идти радостно, не тяжело. В пути сделали два больших привала. Слава заставлял сосать сгущенку из мягких упаковок, лопать сникерсы, к концу путешествия мы их возненавидели! А ведь в 1992 году, когда по телевизору показывали рекламу этого батончика, я и не мечтала, что когда-нибудь попробую его. И родители мне его подарили на новый год. Я неделю ходила вокруг, ласкала этот батончик и на людей в рекламе, которые его так смачно откусывали, смотрела как на равных. Потом открыла, пару дней только нюхала и (о счастье!) откусила! Один, максимум два укуса в день. Через дней 6 сникерса не стало. Мне было 8 лет. И вот мне 32, я на Эльбрусе, и суперкалорийный сникерс я бы променяла на простой кусок хлеба. У моих друзей своя история «первого сникерса», для нас, постперестройчных детей, этот батончик был чудом. Обёртку

от него я сохранила и завела себе конверт, куда складывала упаковки от разных шоколадок и жвачек, чтобы были доказательства перед одноклассниками – на переменах мы хвастались друг перед другом, кто что пробовал... Если бы мне сказали, что придёт время, когда меня будут пытаться этим сникерсом... Но без него, по словам Славы, тут, на высоте, не выжить. Не спорить с гидом, слушаться его, не пререкаться, не предлагать альтернативу – мы обещали, а потому покорно «сникерснули», испили полустывший сладкий чай и пошлагали дальше.

Неподалёку от «Бочек» сколотили ещё один приют – вагончики-коробки, обшитые снаружи профнастилом, с двухэтажными нарами внутри. В них мы с Вячеславом и поселились, а наш гид ушёл ночевать в свою палатку. Сутки в приюте стоят 600-800 рублей. Есть вагончик-кухня, очень приличный, как говорится, ещё незаюзанный, с большими столами, лавками. Кастрюли, чайники – есть всё, нет только воды. Мы запаслись «дошираками», «роллтонами» и ту-

шенкой, хотя можно было взять с собой бутылочку подсолнечного масла, а вместо бичпакетов – крупу в пакетиках, а вместо тушенки – рыбные консервы... Слава предупреждал, что аппетит на высоте неважный. Но в день прибытия на 3750 метров – конечную станцию канатки «Гара-баши» (приюты «Бочки»), несмотря на съеденные сникерсы, аппетит у нас был хороший. С удовольствием поужинали пюрешками, попили чаю с шишкинским вареньем, вползли каждый в свой мешок и вырубались.

На приюте нет света, воды и тепла. Свет дают с 19.00 до 21.00, в это же время заряжают гаджеты, включают электрический обогреватель. Воду добывают рано утром на склонах, когда ледник, отозвавшись на солнце, едва-едва начинает подтекать. Пока еще не начали ездить ратраки, истекая не то маслом, не то бензином...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Никуда не пошли, сидели, дышали. Я отправилась на станцию, где застыли железные открытые кресла.

Кажется, будто креселку не включали лет двадцать. Гляжу на горы, вижу «Ушбу», гора, за которой начинается Грузия. «Ушба» с грузинского переводится как «шабаш ведьм», и вершина этой горы похожа на кошачью голову. Кошки, кстати, не выдерживают подобной высоты, потому их поблизости нет. А вот собаки, чёрная и белая дворняги, там ошиваются, на приюте их подкармливают. Мы тоже угощали псов сосисками и тушёнкой.

Вдруг в середине дня неожиданно заработала креселка, оказывается, её включают, когда на станции «Мир» есть желающие. Я тоже на кресло уселась и поехала вниз на открытом воздухе. Ощущения иные, нежели в закрытой кабинке: скрипуче плывёшь, никем и ничем не защищенная. Но чувство комфорта и безопасности есть – не один на один с природой – механизм всё же, хоть и называют местные креселку «драндулеткой».

Надо сказать, что на «Бочках» зелени уже нет, а снега ещё нет. Будто меж двумя мирами находишься... И какое-то ощущение потерянности... Я много путешествую, но впервые чувствовала, что нахожусь далеко от дома, вероятно, потому что забралась высоко. Не отдавалась природе – скорее, опасалась ее. Голые горы, далёкие полуснежные их вершины – все это великое и чужое для меня. Здесь я ясно ощутила, как мала и как мало могу. Я в гостях у гор: скромна и сижу пред ними, пытаюсь услышать их мудрость. А также думаю о том, сколько людей они не отпустили. Но чтобы отогнать от себя тоску, мысленно возношусь выше, и вся планета становится шаром, и уже не так страшно, и горы не такие большие, и мы будто на равных...

Когда находишься вдали от дома и есть чувство тревоги, особенно хо-

рошо воспринимается Новый завет, сердце открывается ко смыслам, которые в нём сокрыты. Никогда на земле, даже в самые мощные минуты катарсиса не была я так распахнута сердцем ко вселенскому добру. Уже не хочется просить о чём-то, а лишь благодарить за мою дочь, за любимого, за маму, творчество и способность испытывать радость. В уюте, псевдобезопасности обычных дней, сложно осознать своё собственное тихое счастье и быть благодарным за него. А в горах от чувства опасности и близости с богом покойно на душе, светло, даже как-то медово и молитвы о пустяках, которые так необходимы в обычной жизни, в горах кажутся неважными. А важен лишь сам человек и безграничные возможности его души.

Оглядываюсь на Эльбрус – белый, двугорбый. Наша цель – западная вершина. Наслушалась от Славы про то, как замерзли и хоро-

шо сохранились в снегах пятьдесят фрицев, которых нашли после 2000 года. Про девушку Ольгу Воронову – туристку, которая пошла с группой на штурм и умерла в палатке от отёка лёгких, и много других людей, земная жизнь которых окончилась здесь. Случайным ли образом Эльбрус отбирает людей, с которыми не расстанется? Эльбрус оставляет их у себя из большой любви или, напротив, наказывает? И от знания

*Один из двух псов.
Любит сосиски. Ласковый!)*

того, что и я могу здесь остаться, а главное, что не я это решаю, моя молитва особенно горяча, но странно спокойнона.

В 19.00 заревела трансформаторная будка – крошечные окошки вагончиков засветились, и стало уютнее. Мы вскипятили чайник и поужинали. Включили в вагончике печь-теплодуйку, воткнули телефоны. Не снимая верхней одежды, забрались в спальники. Снова приснился мне отец – очень несчастный, почему-то в инвалидной коляске, с голым торсом и зачёсанными назад волосами. В моем сне отец был убит горем, даже и глаз на меня поднять не смог. Двенадцать лет назад он мне снился таким же несчастным, за пару дней до того, как меня увезли на скорой, я тогда чуть не умерла. В том давнем сне отец смотрел на меня, не моргая, и плакал чёрными слезами. И вот приснился теперь, на Эльбрусе. Будто тоже предупреждал, предчувствовал... До нашего штурма (восхождения) оставалось два дня.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вячеслав повёл нас к скалам Пастухова. Они находятся на высоте 4800 и названы так в честь Андрея Васильевича Пастухова – русско-го военного топографа и альпиниста, который в 1890 и 1896 годах совершил восхождение на Западную и Восточную вершины Эльбруса. Надо отметить, что в конце XIX века не было ни «кошек», ни прочего специального снаряжения, лёгких комбезов с флисовой подкладкой. Взирались, я думаю, в тяжёлом неповоротливом тулупе и обычной кожаной обуви с грубым мехом.

Когда шли к скалам Пастухова (главным образом для того, чтобы подышать на новой высоте, понаблюдать, как будет вести себя организм), проходили мимо «Приюта 11-ти», с которого нам и предстояло стартовать на следующий день, точнее ночь. Снаружи приют выглядит как небольшой средневековый замок, но внутри это (как принято сейчас гово-

рить «заюзанный», «ушатанный» «ухайдаканный») сарай. Он находится на высоте 4200, а название за ним закрепилось ещё с 1904 года, когда на этом месте впервые разбили лагерь учитель и 10 гимназистов (всего 11 человек).

Возле приюта огромный валун с табличками – имена и фотографии тех, кто не вернулся. Памятник сгинувшим туристам и альпинистам, среди которых мастера спорта. Молодые парни и девушки. Есть и не очень молодые. Люди, которые любили высоту, опасность, горы. У каждого своя причина восхождения: кто-то чисто из спортивного интереса, кто-то искал здесь себя или бежал от себя. Так или иначе, все, кто пришёл сюда, «сменив уют на риск и непомерный труд», это особая стихия людей. Я взобралась на тот валун вечной памяти, глядела в лица на табличках, считала, кому сколько лет. И пыталась представить, что это был за человек...

В тот день до скал Пастухова нам не суждено было добраться – поднялся сильный ветер, и нас окутало облако, видимость 3-4 метра. Спрятались за камни, сидим дышим, привыкаем к новой высоте, и очень хочется вернуться – настолько холодно, неудобно. Вдруг из-за камня появились чёрная и белая дворняги. Я с радостью отдала одной из них свой батончик и выдавила на камень немного сгущенки. Пока спускались, собаки были рядом, вели себя так, будто мы их хозяева, то и дело дурачась друг с дружкой и грызаясь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Один Вячеслав отправился вниз, чтобы взять в прокате ботинки и «кошки», а второй Вячеслав остался со мной. Сидим возле нашего

Кухня «Приюта 11». Полночь, чаепитие

Валун памяти. Каменное «кладбище».

вагончика, треплем псов, то и дело смазываем лица солнцезащитным кремом и говорим про Славину археологические экспедиции. Он рассказал, что однажды их группе довелось найти останки семьи из трёх человек. Три тысячи лет они пролежали под землей, вероятно, наспех похороненные. Три тысячи лет мужчина обнимал женщину, так их и нашли. Мужчина обнимал женщину, а ребёнок лежал рядом. Что это были за люди, как жили, чем жили, на каком языке говорили, как любили друг друга, куда и зачем шли, от чего умерли? Во время переселения, должно быть... Я прошу со Славой на раскопки, но он говорит, что и условия, и люди там — не для девушки. После того, как мы стояли на приюте без воды и тёплых удобств, я, кажется, всё выдержу. А люди на раскопках — обычные подрядчики (вроде строителей), некоторые не так давно освободились из мест, не столь отдалённых. Но все хорошо знают своё дело, работают хорошо, чтобы потом хорошо (понятно, как) «отдохнуть». А у меня всё же не вяжется, не складывается: обнаружить, потревожить мужчину и женщину, которые три тысячи лет пролежали в земле, а вечером выпивать, брататься, материться. Как противоречивы профессии, люди, ситуации! Слава признался, что, если бы я сама не напросилась, ему едва ли пришло бы в голову

пригласить меня на Эльбрус — слишком изнеженной и городской я кажусь...

В пятом часу вечера вернулся наш второй Вячеслав, в рюкзаке у него было всё необходимое нам снаряжение. А ещё он купил внизу... хлеба! Буханку белого! После «дошиков» хлеб — настоящее лакомство! Я взяла его и прижалась щекой к его хрустящей корочке. Запах свёл с ума! И я осознала человеческий труд, который за этим хлебом стоит. От агрономов до пекарей, водителя грузовика и продавца в магазине. Никогда ещё хлеб не казался мне таким вкусным. Втроём мы быстро его прикончили, забросили за спину 20-литровые рюкзаки и отправились на «Приют 11».

Добрались к семи часам вечера. Смотритель приюта взял с нас по 600 рублей и отвёл по скрипучей лестнице на второй этаж, в крошечную комнатку-чердак. На нарах лежали выдавшие виды матрацы, на них мы бросили свои спальники. Но сна не было, хотя почти весь битком набитый людьми приют спал. Мы с двумя Вячеславами пили чай с лимоном в пустой кухне, разглядывали флаги, надписи людей, которые побывали на вершине Эльбруса. Вся кухня исписана, обвешана: стены, потолок — всё. Иностранцев много, не только россияне. После чаепития два Вячеслава отправились наверх дремать, а я вышла на улицу.

НОЧЬ ШТУРМА

Небо было черно в ночи и звёздами усыпано. Луна, почти полная и хладножёлтая, светилась изо всех сил. Ледник на склоне блестел от её света. И тишина, любимая моя тишина, которую я всегда ищу, в которой нежусь, не была мне здесь подругой: в сочетании с холодом и ночью казалась суровой всемогущей царицей, которая решает, где поставить запятуу: казнить нельзя помиловать. «Царица» игралась с моей душой: я испытывала то восторг и эйфорию, то вдруг животный страх, что эта моя последняя ночь. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько маленькой, беспомощной, песчинкой в космосе. Моя любовь к одиночеству сменилась огромной любовью к людям. Отрадно было знать, что их тут, на приюте, много, они спят, и у всех нас одна цель — дойти до вершины и спуститься назад.

Чистое небо радовало. Ведь облако, если оно наплзёт на вершину, нужно будет переждать, потому что спускаться в плохой видимости опасно, люди чаще всего гибнут и

пропадают без вести на спуске в условиях непогоды. А долго ждать — замёрзнешь. Осознаю, что грешная земля осталась далеко внизу, и здесь, в неважных бытовых условиях, в условиях риска, холода, я очень уязвима.

А люди на приюте начали потихоньку просыпаться. На втором этаже на огромных широких нарах спала, оказывается, большая группа иностранцев. В час ночи они дружно расселись за длинным столом и скоро поедали какую-то похлёбку. В полной тишине, почти синхронно. И из тех, кто был в ту ночь на приюте, эта группа ушла первая. Армяне вскипятили три огромных чайника, заправили термосы, обули «кошки», привязались друг к другу страховкой, чем очень встревожили меня. Со второго этажа донесся незнакомый женский голос: «Кому нужны перчатки, балаклавы — могу дать». Значит, не решилась, у страха глаза велики. И я была на волосок от того, чтобы остаться, не идти. Но как говорил Слава, «ты будешь благодарна себе той, которая пошла, даже если страшно или сомневаешься». Затянули потуже «кошки», включили налобные фонарики и отправились.

Выходить из приюта нестрашно, потому что нас, штурмующих, было немало. Но вскоре каждая группа в своём темпе пошла, и ощущение толпы исчезло, меня сковал животный страх, страх не вернуться. Но я шла, вгрызаясь «кошками» и трекенговыми палками в лёд, ветер всё усиливался, дышать было тяжело. Пришлось отвернуться от ветра в правую сторону и подниматься боком. Смотришь на вершину, и кажется, что вот она, близко, за пару часов поднимемся. Тут в горах многое обманчиво. И даже горная болезнь у всех проявляется по-разному: от диареи до рвоты, от депрессии до эйфории. Склон

кажется крутым настолько, что лучше не смотреть ни вверх, ни вниз, а лишь себе под ноги и сосредоточиться на том, чтобы покрепче вонзить шипы «кошек» в лёд. Но, чтобы запомнить, а также в надежде победить свой страх, я, когда мы останавливаемся перевести дух, оборачиваюсь и гляжу вниз: склон подо мной крут и завораживает своей опасностью и спокойствием, и я тоже на некоторое время успокаиваюсь и взбираюсь дальше. Вверху, внизу, справа и слева от нас шевелятся в ночи огоньки: это люди с налобными фонариками. Уютно, что они есть. Бредут, словно свергнутые звёзды, будто их за что-то наказали и сбросили на землю, где им после всемогущего бесконечно благодатного неба не по сердцу. И хотят они обратно, и ползут, да тщётно... Не простят их, не примут назад. И светят они из последних сил, и пытаются взобраться, пока сияние их не угаснет...

Вспомнился валун с табличкам. С кем Эльбрус не пожелает расстаться сегодня? И страшно так, что даже ноги не слушаются. И папа, что снился мне, вспомнился. И дочь моя представлялась. И я уверилась, что меня не будет, и так жаль стало дочку, как страшно это — остаться без мамы! А я своими руками... своими ногами пошла, по доброй воле. Имею ли право так рисковать? Но я и пикнуть не посмела — обещала «выключить» у себя девочку и стать суровым мужиком — слово держу.

Никогда ещё моя молитва не была столь горячей. Наверное, такая возможна лишь в опасности или глубоком горе. Мне показалось, что я простила всех людей, которые нанесли мне когда-то мелкие обиды, и почувствовала, что меня простили тоже. Впервые осознала себя грешным человеком со слабой плотью, и это укрепляло мой дух. Слезы замер-

зали на щеках. Пока муравьиными шагами карабкалась по вершине Эльбруса, я испытала истинное раскаяние. Или что-то очень похожее на раскаяние. Мне было больно за людей, которых я обидела, за мои неверные поступки, за дурные мысли, за мою гордыню. Я попросила бога дотронуться до моего сердца, чтоб пришёл покой, чтобы хоть ноги слушались! И вдруг это случилось. Словно по щелчку я мгновенно почувствовала лёгкость души и тела. Словами нельзя описать благодарность, которую я в тот момент испытала. Теперь, когда нестрашно, можно спокойно идти в неизвестность, на жизнь или на смерть — неважно.

Помолилась обо всех, кто пошёл в ту ночь на штурм. Совершенно искренне пожелала им долгой счастливой жизни. И так хорошо стало, и что-то очень похожее на вселенскую любовь, любовь к ближнему, ко всему человечеству прокралось в моё сердце. Это чувство длилось недолго, но испытать его, эту абсолютную, такую несвойственную человеку душевную чистоту хоть на несколько мгновений — большое, ни с чем не сравнимое счастье.

Вот и скалы Пастухова. Остановились «сникерснуть». Ветер очень сильный, но пока мы держимся на ногах, поднимаемся дальше. Вот мы у косо́й тропы. Здесь ветер дует уже со всех сторон, не отвернёшься от него. Вдруг откуда-то из ночи появились две собаки. Путались под ногами, мешая идти. А когда мы остановились, чтобы перевести дух, одна из собак прыгнула на меня сзади, передние лапы на плечи положила. И стала скулить, жалобно, будто не желая пускать выше. Слава подумал пару минут и принял решение вернуться на приют. Мы начали спуск. Спускаться оказалось сложнее. Очень устали ноги, но это не помешало мне любо-

ваться. Ночь сперва побелела, вскоре нежно порозовело небо, проступили на свет божий горы, сине-серые, зелёно-белые, холодные, чужие и прекрасные. А когда взошло солнце, я ощутила, что дико вымоталась и телом, и душой. Собака не пустила... спасла!.. Глупо и наивно так думать. Ещё глупее — что она мой ангел-хранитель или действовала от имени папы... Но эти мысли, совершенно не свойственные взрослому человеку, греют меня.

Родилось в чистом небе, почти вровень с нами, волшебное облако. Оно было так близко и так прекрасно, что казалось, будто оно и солнце занимаются любовью. Мне всерьёз подумалось, что бог создал горы, как одну из возможностей сблизиться с человеком, дать ему этот шанс — познать совершенство и абсолютное добро. На Эльбрусе, на высоте 4800, недалеко от скал Пастухова я впервые по-настоящему доверяла богу, любила и была благодарна. Мой катарсис случился на Эльбрусе. И я хочу всю жизнь ездить по миру, по

разным горам-морям, искать места на земле, где сердце вновь откроется к прямому общению с Творцом, где стена греха будет максимально разрушена.

Спустились на 2350 к гостинице — резко потеряли высоту. И меня накрыло: усталостью, тупостью. Я была не я, мне казалось, что мной кто-то управляет. Передвигалась и говорила медленно, боролась с этим состоянием, умывалась холодной водой, щипала себя до синяков, но только когда мы, выехав на трассу, спустились на привычную земную высоту, я вновь стала собой и уснула на заднем сиденье.

ДОМОЙ!

Не зря землю называют грешной. Она лопается от греха. И вот я в привычной жизни, в зоне комфорта, как принято сейчас говорить, вновь желаю обладать людьми (особенно любимыми), вещами, быть хозяйкой всех ситуаций и искренне думать, что люди, которые меня обидели, должны понести наказание, и желательно

на моих глазах. Слава богу, Эльбрус научил меня справляться со стихией внутри себя. Быть выше мелкого мира обид, мира странных, порой неверных мер и законов, мира неважных людей...

Чем выше от земли, тем меньше греха. На высоте, кстати, отключено либидо. Высота и располагает к высокому. Самый главный мой страх — в случае опасности уронить человеческое достоинство. Я люблю мою жизнь и учусь не бояться смерти. Почему люди не хотят уходить? Потому что им кажется, что они ещё и не жили, не были счастливы, не испытали этого чувства. Незнание счастья не отпускает людей с земли, потому им и страшно умирать. Каков он, последний миг — каждый из нас познает, но никто никогда не расскажет.

Постараюсь быть счастливой и любящей изо всех своих душевных сил, даже когда предлагаемые обстоятельства к этому не располагают. И в следующий свой поход на Эльбрус, возможно, во мне не будет животного страха смерти и не придётся молиться о покое на сердце, я просто буду взбираться по склону этого молчаливого недвижимого вулкана, возможно, он посчитает, что я готова, и примет меня на одной из своих вершин. И я точно знаю, что буду идти с чувством благодарности, ведь на Эльбрусе во мне пробудилось важное: здесь я простила сама, почувствовала себя прощенной и бесконечно любимой. Я испытала совершенство. Осознала, какая радость, когда страх покидает тебя, ты свободен, незащищен и чист. Незащищен и чист... Наверное, это и есть смирение, к которому так стремятся верующие люди. Эльбрус поделился со мной своей мудростью, благодаря которой можно ещё очень долго оставаться хорошим человеком. ■

► Альбина Абсалямова

Со всеми подробностями

Заведующий отделением УЗИ-диагностики МКДЦ, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РТ, лауреат Национальной премии лучшим врачам России «Призвание» Камиль ЮСУПОВ может увидеть любого человека насквозь, со всем его богатым внутренним миром и прочими секретами. Вряд ли есть в человеческом теле тайна, которая могла бы скрыться от его внимательного взгляда.

– Камиль Фаузеевич, добрый день! Сегодня в МКДЦ прошел мастер-класс по работе с аппаратом ультразвуковой диагностики нового поколения. Какие возможности открывает он врачу и пациенту?

– Давайте посмотрим на экран (демонстрирует изображение, максимально приближенное к реальности). Машина располагает

возможностями по исследованию любых органов, ее основные достоинства – повышенная точность, уход от операторозависимости, экспорт полученных данных, а также, в случае необходимости, возможность их отправки в любую точку земного шара для консультаций с коллегами из ведущих мировых клиник. С применением современных инфор-

мационных технологий мы можем изучать полученные изображения в объеме, в разной плоскости, складывать их, распрямлять, завязывать в узел, модифицировать данные. Эдакий виртуальный кубик, который дает нам возможность получать дополнительную информацию для принятия конкретных решений относительно той или иной патологии.

Все это повышает качество диагностических процедур, позволяет провести аудит, контроль нашей работы, оценить состояние пациента в динамике. Немаловажно и использование результатов УЗИ с целью учебного процесса и научных исследований, что позволяет детально изучать патологии виртуально, а не на самих людях. Все это улучшает качество работы докторов как наших, так и тех, кто проходит стажировку в нашей клинике.

Основная проблема УЗИ-диагностики заключается в том, что, в отличие от рентгена или МРТ, многое зависит от того, как доктор поставит руку. Если в МРТ все делает машина, то в УЗИ до сих пор все очень индивидуально. Применение современных технологий позволяет уйти от субъективности, минимизировать человеческую погрешность.

Мы работаем в тесном контакте с потребителями нашего диагностического процесса – кардиологами, неврологами, кардио- и нейрохирургами и другими докторами. Уверен: любые существующие технологии должны быть поставлены

на службу человеку независимо от его размера. Именно поэтому в нашем центре мы впервые в РТ и вторые в России с 2000 года стали проводить МРТ плода. Сегодня часть исследований при помощи МРТ мы дополняем УЗИ на аппара-

В отделении ультразвуковой диагностики МКДЦ проводится около 40 видов неинвазивных ультразвуковых исследований и инвазивных манипуляций под УЗ-контролем, разрешенных к применению в медицинской практике. Специалисты отделения проводят все виды исследований периферических сосудов, паренхиматозных органов, мышечные исследования, исследования органов зрения и плода при беременности. Также в отделении внедрены с применением соноэластографии исследования внутренних половых органов у женщин и предстательной железы у мужчин.

туре высокого класса. К нам приезжают не только со всего Татарстана, но и из Марий Эл, Чувашии, других регионов для уточнения характера заболеваний, для того, чтобы лучше понять, о чем идет речь, и продумать решение в отношении пациента независимо от того, родился он уже или нет. Пусть это еще не личность, но уже человек, неважно, какого он размера. Изучив со всех сторон полученные объемные изображения сердца еще не родившегося малыша, кардиологи могут принять четкое решение о сроках и месте родоразрешения.

Аналогов имеющегося в нашем центре оборудования в Республике Татарстан нет. Мы плодотворно сотрудничаем с производителем - компанией General Electric и сегодня узнали о том, что для улучшения качества диагностического процесса компания планирует передать в дар МКДЦ многие программы, которые сегодня мы используем в тестовом режиме.

– Технологии развиваются с космической скоростью, но, тем не менее, и сегодня можно услышать мнение о том, что УЗИ, мол, небезопасно и, возможно, не стоит лишний раз прибегать к его использованию, в частности – на ранних сроках беременности...

– Методика УЗИ не имеет ограничений и противопоказаний. В нашей работе мы ориентируемся на рекомендации Международной организаций ультразвуковой диагностики, акушерства и гинекологии, которая дает четкий регламент проведения УЗИ, в частности, в первом триместре беременности. Да, на раннем сроке есть некоторые ограничения, и в своей практике мы никогда не проводим исследования без показаний в этих ре-

Все исследования проводятся на аппаратах экспертного класса VolusonE8 Expert, Vivid7 Expert (фирмы General Electric), оснащенных широкополосными, многочастотными датчиками и множеством дополнительных программ: доплеровские методики, недопплеровское картирование кровотока, сложносоставное многолучевое сканирование, тканевая гармоника (ТН), панорамное сканирование, трехмерная (3D) и четырехмерная (4D) эхография.

жимах. Что же касается рутинных УЗИ, то эта процедура абсолютно безопасна.

Наша задача – донести до пациента информацию о потенциальной пользе исследования, но без его согласия на проведение той или иной процедуры мы ее никогда не сделаем. Право выбора всегда остается за пациентом. Если он считает, что ему это не нужно, мы не можем препятствовать его волеизъявлению – в случае, если оно не мешает жизни других людей. Вот если пациент, например, является носителем опасной инфекции, такой, как болезнь Эбола или чума, он должен быть изолирован от общества. Понятно, что в этот момент его права на свободу передвиже-

ния будут ограничиваться. Если же действия находятся в пределах уголовного кодекса, то и права не могут ограничиваться. На основе полученной информации право принятия решения по дальнейшей тактике лежит на пациенте. Только он решает, оперироваться ему или нет, беременная решает, рожать ей этого ребенка или нет, будет она его в дальнейшем адаптировать или нет.

Подчеркну еще раз на примере беременности: врач, который проводит диагностику, должен дать максимум информации как для самой будущей матери, так и для профильных докторов. Только они могут рекомендовать женщине более правильный дальнейший путь,

ведь врач УЗИ, который работает в клинике акушерства и гинекологии, может не знать о новых возможностях, которыми владеют детские хирурги, кардиохирурги и др.

– **Например?**

– Например, внутриутробно у ребенка обнаружено отсутствие передней брюшной стенки, то есть петли кишечника свободно вываливаются наружу. Казалось бы, тяжелый порок, при котором двадцать лет назад в большинстве случаев незамедлительно рекомендовалось прерывание беременности. Но современные технологии таковы, что эта патология устраняется оперативным путем, и выживаемость очень высока. Но все ли об этом знают? Приказы Министерства здравоохранения РФ регламентируют поведение докторов, которые проводят подобную диагностику. Все рекомендации обязан давать профильный специалист. Например, у плода – водянка головного мозга, но после операций, которые сегодня успешно проводятся, вырастают здоровые дети. Кто-то может не знать об этих технологиях... Более того, если они пока не применяются на территории РТ, не значит, что их нет в мире. За рубежом уже проводятся внутриутробные операции – и по устранению

Ежегодно в
отделении
выполняется
40 000
исследований

Отделение является базой для кафедры ультразвуковой диагностики и курса сердечно-сосудистой хирургии ФПК и ППС КГМУ. По программе стажировки на рабочем месте в отделении проходят профессиональную подготовку сертифицированные специалисты из всех уголков России и ближнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан).

дефектов нервной трубки, и по лечению диафрагмальной грыжи... Во всех случаях дети растут и отлично развиваются. Уверен: пройдет не так много времени, и такие операции будут проводиться и у нас.

Тем не менее, основное направление деятельности нашего центра – работа со взрослыми пациентами, выявление патологий в области сердечно-сосудистой системы. Наша цель – выйти на тот уровень диагностического процесса, который позволит выявлять заболевания на их ранней стадии, тогда, когда процесс обратим, ведь когда пациент становится хирургическим, зачастую бывает поздно...

– **Что же делать, чтобы не опоздать?**

– Даже тот человек, который пока не имеет жалоб, по собственному желанию может пройти в нашем центре программу комплексного исследования – check up. Это обследование «от макушки до лодыжки». Оно включает в себя не только УЗИ, но и МРТ, и лабораторную диагностику, по результатам которых можно выявить то или иное заболевание на ранней стадии. Вовремя проведенная диагностика обеспечивает и своевременное лечение.

К сожалению, многие заболевания носят скрытый характер, и среди наших тяжелых пациентов мы зачастую видим тех, кто еще совсем недавно внешне выглядел здоровым, но в силу занятости или других причин не обращал внимания на «тревожные звоночки».

Именно поэтому мы настоятельно рекомендуем хотя бы раз в несколько лет проводить комплексную проверку всех систем организма. В этом случае запущенных болезней удастся избежать. ■

► Юлия Калинина

Масленичные бесчинства

Меня смущают собственные ожидания от праздников. Масленица мне всегда представлялась чем-то ярким и веселым – с блинами, баранками, саями и расписными платками. Глядя на кислые и замерзшие лица посетителей официальных маслениц, на протухшее настроение от стояния в очередях за блинами, глядя на поющих под баян ряженых, я начала понимать, что все мои представления про масленицу пришли от картин Кустодиева и к реальности отношения почти не имеют.

Есть возможный вариант – найти себе фольклорный коллектив, который не только умеет петь, знает, как обращаться с символами солнца и как в длинной юбке кататься на санях, но и в принципе знает, что же такое масленичная неделя перед великим постом. Будет все весело, красиво, и расписные платки, правда, очень фотогеничны на белом снегу.

Но есть и другая сторона праздника – более древняя. Это нарушение норм. Когда пожилые люди надевали личины, накладные фаллосы, а женщины наряжались в мужчин, когда обжирались блинами до смерти и убивались в кулачном бою. Это когда молодежь проходила по деревне как стадо чертей – запирали хозяев в доме, так что не выбраться, закладывали стекла в печную трубу, крали и ломали все, до чего могли дотянуться. В сибирских губерниях существовала

на масленицу такая традиция, как «взятие крепости», где сооружались два снежных городка и начиналась битва. Это не удивительно – удивительно то, что уважение доставалось той ватаге, в которой было больше битых и покалеченных.

То есть мне бы все это не понравилось, как не нравилось многим на рубеже XX века. В некоторых регионах служители церкви уговорами и угрозами добивались прекращения хотя бы части действ, например игровых отпеваний настоящих покойников.

Теперь, когда все это исчезло, можно поговорить и подумать не о дикости народа и его традиций, а о внутренней логике ее. В схеме годового круговорота было четыре точки, в которые работать было немислимо, – два солнцестояния и два равноденствия. Четыре остановки времени как будто требовали «подзавести часы», придать движению времени новый толчок. Тем более, что игра имела как начало, так и конец: молодые люди после бесчинств и озорства выходили за пределы деревни, мылись в снегу, переодевались и возвращались уже чистыми в прямом и переносном смысле.

Время тонкой грани между Хаосом и Порядком, когда после разгульной, бесчинной, срамной, обжорной недели люди переходили на чинную, подчиненную разумному порядку жизнь. ■

► Альбина Абсалямова

Есть у нет у РЕВОЛЮЦИИ начало, конца...

В феврале 2017 года с особым вниманием возвращаешься к грозным событиям столетней давности. Перечитываешь классиков, изучаешь новые источники, споришь, домысливаешь... Как все происходило? Кто был прав? Могло ли сложиться по-другому? Помимо субъективного, очень личного взгляда на те события (а красные! а белые!), есть вещи объективные: в Национальном музее РТ, крупнейшем региональном музейном хранилище страны, сразу же после революции началось формирование тематических коллекций. Об их составе, особенностях и степени изученности мы расспросили генерального директора музея Гульчачак НАЗИПОВУ.

– Гульчачак Рахимзяновна, добрый день! Расскажите, когда в музее появились первые «революционные» экспонаты?

– Сбору и изучению материалов по истории революционного движения придавалось большое значение практически с первых дней Советской республики. Уже в 1919 году В.И. Ленин писал в Казань В.В.Адоратскому о необходимости собирать и хранить газеты первых лет советской власти, о необходимости изучать историю революции, создать на первых порах хронику событий.

В сентябре 1920 года В.И. Ленин подписал Постановление СНК об учреждении комиссии для сбора и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Комиссия истпарта).

В октябре 1920 года вышло Постановление СНК ТАССР об учреждении в Казани подкомиссии для сбора материалов по истории Октябрьской революции и коммунистической партии. 16 октября под председательством предст-

вителя Центральной комиссии В.В. Адоратского было проведено первое организационное заседание Казанской подкомиссии. В ее состав были избраны Председатель СНК ТАССР С. Саид-Галиев, В.М. Бахметьев, уполномоченный Центральной комиссии, преподаватель Казанского университета М.К. Корбут и другие. В первой половине 1920-х годов Татарским бюро Истпарта были составлены хроники революционных событий и собраны воспоминания участников революционного движения, ценные документы и фотографии.

– Интересно, что конкретно входит в состав коллекции?

Это и документальные, и изобразительные, и вещевые источники.

Документы структурированы по темам – «Казанская губерния между двумя революциями: от Февраля к Октябрю 1917 г.», «Выборы в Казанскую городскую Думу, сентябрь 1917 г.», «Подготовка и проведение революции 1917 года», «Установ-

ление Советской власти в крае. Участие наших земляков в вооружённом восстании в Петрограде», «Агитационные материалы 1917 г.» и др., где собраны воспоминания участников Октябрьских событий, письма, фотографии, удостоверения, членские билеты, мандаты, различные листовки, воззвания, объявления, документы по национальному движению в крае и другие материалы.

Комплексы материалов по истории революционного движения в регионе отложились также в фонде документальных источников личного происхождения в коллекциях революционных деятелей: В.В. Адоратского, Н.Э. Баумана, татарских революционеров Х.М. Ямашева, М.М. Вахитова и других. Наиболее ярко события 1917 года представлены в коллекции документов Н.Е.Ершова – одного из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в нашем городе.

О стремлении увековечить Октябрьскую революцию и революционных вождей свидетельствуют ордена и медали, значки и памятные монеты.

Использованы материалы из фондов Национального музея РТ

– А литература? В фондах музея можно получить представление о том, какая печатная продукция выходила в те годы?

– В фонде редких книг, изданных в 1917-1918 гг., представлены книги и брошюры о Николае II и династии Романовых: «Сказ, отколь у нас пошли цари», «Новая история царствования дома Романовых», «Последний русский царь Николай II» и др. Заслуживает внимания значительное количество агитационных брошюр, объясняющих широким слоям населения смысл Февральской революции, текущую ситуацию в стране, например: «Как и почему народ уничтожил старую

власть и за что он борется», «Российская революция и война», «Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам», и многие другие. Имеются и издания подобной тематики на татарском языке.

В музее собрана и богатая коллекция газет и журналов 1917 года, в том числе местных («Известия Казанского Губернского Совета крестьянских депутатов», «Голос труда», «За землю и волю», «Крестьянская газета», «Земская неделя», «Камско-Волжская Речь», «Казанский телеграф», «Кояш», «Аваз», «Юлдуз» и др.) и центральных («Вестник Временного правительства», «Искры», «Известия

Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Луч», «Русские ведомости», «Русское слово», «Народная армия», «Армия и флот свободной России» и др.).

Изобразительные источники представлены живописными полотнами советских художников о революционных событиях, портретами революционных деятелей, литографиями и т.д. Поздравительные открытки, плакаты, карты и скульптуры советского периода дополняют изобразительный ряд по истории революции.

Значительна коллекция фотографий, большинство из которых уже неоднократно публиковалось в

качестве иллюстраций в научных и научно-популярных исследованиях ученых. Это групповые снимки и отдельные портреты казанских большевиков, участников установления Советской власти в Казани и Казанской губернии, а также фотографии революционных событий: «Обстрел Казанского кремля красногвардейцами Заречья 25 октября 1917 г.», «Командиры Красной гвардии Алафузовского завода Сахаров и Лунин», «Группа солдат, снявших царский герб с башни Сююмбике», сентябрь 1917, «Мусульманский социалистический комитет в марте 1917 г.» и т.п. Дополняет фотоматериалы коллекция негативов с изображениями митингов и демонстраций периода февраля – октября 1917 года, революционеров и т.д.

Богато представлены и вещевые источники. В фонде нумизматики сохранились жетоны, выпущенные в период Временного правительства: «Свободная Россия. Свобода, равенство, братство», «Свобода. Великому освобождённому народу. 27 февраля 1917 года», «Да здравствует свобода! 1917», «1917 год», «1917» и жетон с портретом А.Ф. Керенского. В этом фонде заслуживают внимания также многочисленные банкноты 1917 года, облигации «Займа Свободы» различного номинала.

О стремлении увековечить Октябрьскую революцию и революционных вождей свидетельствуют ордена и медали, значки и памятные монеты.

Всегда вызывает интерес посетителей типологическое оружие начала XX века, позволяющее иллюстрировать революционные события: в музее сохранилось холодное, ручное огнестрельное, артиллерия начала XX века, в том

Казань Киевской Городской Полиции. 190 г.

ИЗМѢРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ №

Ростъ 1м	Голова	Длина	Ступни	№ клас.	Особья примѣты:
Дл. р. рукъ 1м	Шир.	Шир.	Сред. пал.	Бѣл.	
Рост. сидяц.	Пр. ухо.	Длина	Мизинца	Зрач.	Спеціалный родъ преступленія.
	Шир	Шир	Локтя	Ос.	
				Лѣта въ 190 г.	

Волосы	Борода	Почеркъ:
Цвѣтъ лица	Усы	
Имя <i>Н. Еришов</i>	Фамилія <i>Саушкинъ</i>	
Отчество <i>Ивановичъ</i>	прозвище	

ЦМГР
 П-11-31
 инв. 100585

ПРИКАЗЪ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА г. КАЗАНИ.

Приказываю никакихъ самочинныхъ обысковъ по городу не производить безъ ордера Революціоннаго Штаба.

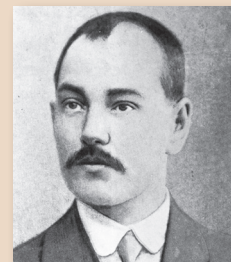
Всѣмъ жителямъ города обращаться въ Революціонный Штабъ, въ случаѣ у кого будетъ произведенъ обыскъ.

28 октября 1917 года.

Начальникъ гарнизона города Казани,
Штабс-Капитанъ Масальскій.

Адыютантъ Начальника гарнизона,
Прапорщикъ Фигуркинъ.

Н.Е. Еришов

Х.М. Ямашев

В.В. Адоратский

числе английская гаубица производства 1917 года.

Историко-бытовая коллекция включает одежду и обувь революционеров. Настоящим раритетом является знамя Юртульского волостного совета крестьянских депутатов Спасского уезда Казанской губернии. Интерес представляет коллекция форменных пуговиц, кокард военных и гражданских чинов, пряжек, знаков-блях, нагрудных знаков, среди которых имеются предметы 1917 года. Она была собрана и передана в музей казанским коллекционером В.В. Чумаковым.

В настоящее время продолжается формирование коллекции по истории нашего региона в начале XX века, мы стремимся преодолеть тенденциозность в составе фондов, когда односторонняя интерпретация происшедших событий повлияла и на состав сформировавшихся коллекций.

Такая тенденциозность диктовалась политическим запросом, который жестко определял и направленность экспозиций, посвященных революционным событиям.

– А когда казанцы познакомились с первой экспозицией, посвященной истории революции?

В марте 1923 года. Прошедшая в помещении Коммунистического клуба выставка по истории партии дала начало будущему Музею пролетарской революции, который был открыт 1 июня 1925 года. Экспозиция музея во многом напоминала краткий конспект по истории партии большевиков, основные принципы, положенные в освещение истории страны.

Вместе с тем здесь впервые были введены в круг музейных материалов подлинные документы

и фотографии, занимающие ныне важное место в собрании Национального музея РТ, так как в 1926 году Казанский Музей пролетарской революции был переведен в здание бывшего Гостиного двора, где располагался Центральный музей ТАССР.

В начале 1930-х годов экспозиции Казанского Музея пролетарской революции были свернуты, а его экспонаты переданы в Центральный музей ТАССР (ныне – Национальный музей РТ).

Впервые революционные события были показаны в основной экспозиции музея лишь в 1940 году. С развитием исторической науки, накоплением в фондах музея новых материалов экспозиции в течение всего советского периода постоянно пересматривались. Последняя действовавшая экспозиция советского общества была открыта в 1986 году и имела разделы, раскрывающие революционную тематику. Однако в декабре 1987 года произошел пожар в здании, в котором находится музей, и эта совершенно новая экспозиция была демонтирована.

– А сегодня у жителей и гостей города есть возможность познакомиться с коллекцией, посвященной истории революции?

– К сожалению, в настоящее время в Национальном музее РТ нет стационарной экспозиции, посвященной XX веку, но тема революционных событий 1917 года нашла отражение в выставочной деятельности музея последнего десятилетия. В 2008 году в экспозиции организованной к 90-летию Красной армии выставки «На защите Отечества» один из разделов был посвящен революционным событиям 1917 года, созданию Крас-

ной гвардии – предшественницы Красной Армии.

В 2014 году мы построили большую стационарную выставку к 100-летию начала первой мировой войны «Неизвестная Великая война». Один из ее разделов под названием «От Первой мировой к революции и Гражданской войне» показывает и события 1917 года.

Тема революции является одной из важных в новых экспозициях Литературного музея А.М. Горького, Дома-музея В.И. Ленина и Е.А. Боратынского, открытых в 2015 году.

К 100-летию революционных событий 1917 года в России мы готовим большую выставку, где и будут представлены многие из названных материалов. Сложность заключается в том, что в настоящее время в исторической науке нет однозначных оценок, нет устоявшихся мнений. По-прежнему продолжаются дискуссии по многим направлениям этой большой темы. В этой связи музейные экспозиции, основанные на подлинных источниках, должны внести весомый вклад в исследование темы. ■

► Юрий Карпов,
кандидат искусствоведения, профессор КГК

ИСКУССТВО сохраняет ИСКУССТВО

В ноябре прошлого года состоялись большие, почти трехнедельные гастрольные выступления Хора студентов и Симфонического оркестра Казанской консерватории по Западной Европе. В рамках турне коллективы приняли участие в Международном музыкальном фестивале духовной музыки «Россия - Германия - Италия». Концертные залы и храмы Южной Германии, великолепные ватиканские соборы столицы Италии вновь стали свидетелями успеха творческих коллективов Казанской консерватории.

Музыкальный проект, состоявший из семи концертов, фактически объединил сразу три музыкальных фестиваля и три европейских державы – Россию, Германию и Италию. Российская часть фестиваля стартовала еще в сентябре в Большом концертном зале в Казани. Первая симфония Чайковского «Зимние грёзы» и Второй фортепианный концерт Рахманинова

(сочинения, давно ставшие «визитной карточкой» отечественной культуры) в исполнении молодых музыкантов звучали по-особому тепло и искренне. Выступления, прошедшие на юге Германии, где и названия городов звучат как средневековый мадригал (Саарлуи, Шпайер, Ойсертааль), словно растопили сами представления о немцах как о сдержанных и достаточно

малоэмоциональных людях: все концерты сопровождалось искренними овациями слушателей. А в Италии казанские музыканты в третий раз стали участниками Международного фестиваля «Musica e arte sacra», состоявшегося в пятнадцатый раз. Два концерта, прошедшие в базилике Святого Игнатия Лойолы, стали кульминацией напряженного гастрольного графика: после «Stabat Mater» Россини и «Реквиема Моцарта» овации не стихали почти полчаса...

Организация выступлений учебных коллективов, в работу которых полноценная гастрольная жизнь не входит, всегда сопровождается множеством трудностей – тем более, если это гастроли за рубежом. Но, как отмечали все организаторы, ими двигала искренняя любовь к музыке и, что еще более важно, стремление к укреплению дружеских связей между нашими народами. Именно это помогало преодолевать препятствия, возникавшие на пути, несмотря ни на какие международные обстоятельства.

Казанская консерватория, один из ведущих музыкальных вузов России, не в первый раз становится инициатором проведения международного форума такого масштаба. С немецкой стороны организаторами фестиваля стало содружество немецких музыкантов «Палатина Классик» и филармония Саарланда. Организатором фестиваля в Италии выступает благотворительный Фонд духовной музыки и искусств, много лет занимающийся реставрацией и сохранением сокровищ, принадлежащих Ватикану. «L'arte salva l'arte» / «Искусство сохраняет искусство» – таков его главный девиз. И вечное искусство – музыка, звуча в древних соборах, словно оживляет мраморные скульптуры и

бесценные фрески, действительно помогая сохранить то, что является бесценным наследием человеческой культуры; свидетельство тому – заполненные до отказа залы: по самым скромным подсчетам, слушателями концертов фестиваля только в Европе стали около пяти с половиной тысячи человек!..

тах вокальный ансамбль «Палатина Классик» и любительский филармонический хор земли Саар присоединились к хору консерватории.

Безусловный восторг публики вызывали исполнявшиеся хором студентов а капелла сочинения отечественных композиторов. Под управлением художествен-

Казанская консерватория, один из ведущих музыкальных вузов России, не в первый раз становится инициатором проведения международного форума такого масштаба.

Художественным руководителем программы фестиваля стал маэстро Лео Кремер – неординарный музыкант, с которым Казанская консерватория сотрудничает уже почти три десятка лет. Словно скульптор, разминающий холодную глину, он без усталости работает с оркестром и хором, оттачивая детали и подбадривая солистов, выверяя ансамбль и выстраивая форму. Под его сильным, вдохновенным управлением исполнители становились единым, слаженным организмом. Красочная многослойность оркестрового звучания дополнялись монолитной силой и гибкой отзывчивостью звучания хора, усиленного певцами из Германии: в европейских концер-

ного руководителя коллектива Владислава Лукьянова звучала музыка Свиридова и Рахманинова, Чайковского и Шарифуллина – и, несмотря ни на какие культурные различия, находила живой и очень непосредственный отклик в душах слушателей...

Двухнедельное турне по Европе – непростое испытание для молодых музыкантов, гастрольный опыт которых еще очень мал. Однако все дорожные неудобства были с лихвой вознаграждены природой немецкого юга, ласковым солнцем Италии и, самое главное, горячим приемом публики и высочайшей оценкой выступлений казанских коллективов. Музыканты играли и

пели с полной отдачей, на уровне лучших коллективов мира, и это было понятно: ведь в программах фестиваля в Италии значились выдающиеся хоры и оркестры Европы, чьи имена известны всем любителям музыки. Это Венский филармонический оркестр и Венский Зингфайн, хор Сикстинской капеллы и оркестр театра Ла Скала. Дни, проведенные в Европе, для всех участников проекта, конечно, останутся одним из самых ярких воспоминаний их творческой жизни. ▶

Художественным руководителем программы фестиваля стал маэстро Лео Кремер – неординарный музыкант, с которым Казанская консерватория сотрудничает уже почти три десятка лет.

ПОРТРЕТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ
НАУКОГРАД ПОЭЗИЯ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ ПРО ЧТЕНИЕ
ПРОЗА ЮБИЛЕИ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ
ЧЕЛОВЕК ФОТОФИКСАЦИЯ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ВЧЕРА ПОСЕГОДНЯ ПОРТРЕТ ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ
НАУКОГРАД ПОЭЗИЯ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ ПРО ЧТЕНИЕ
ПРОЗА ЮБИЛЕИ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ
ЧЕЛОВЕК ФОТОФИКСАЦИЯ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ВЧЕРА ПОСЕГОДНЯ ПОРТРЕТ ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ
НАУКОГРАД ПОЭЗИЯ СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ ПРО ЧТЕНИЕ
ПРОЗА ЮБИЛЕИ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ АКТИВНЫЙ

➤ ПРОЗА
➤ МИНИАТЮРЫ
➤ ПОЭЗИЯ
➤ В ПЕРЕВОДЕ
➤ ПРО ЧТЕНИЕ
➤ МУЗПРОСВЕТ

Равиль Бухараев

ХАНСКИЙ ВОДОМЕТ

Продолжение. Начало в №1, 2017

Оспожа моя и дорогая сестра, я помню, как, впервые увидев Венецию — чудотворное отечество ваше, я стоял над водою Большого Канала не в силах промолвить ни слова, в упоенных слезах восхищенья и самозабвенья. Ночь наступала; золотые палаццо на закате сияли живыми огнями, отражаясь в маслянистой, шелковистой и гладкой воде; отраженья фасадов и окон качались на волнах, и казалось, что и берег, как палуба венецийской широкой галеры, качается, ходит под моими ногами. И думал: о, сколько же труда надлежит положить человеку, сколько дерзания мысли, сколько уменья, обживая пространство, казалось бы, и вовсе не пригодное к жизни!

Острова сей лагуны, острова в мерзких и топких болотах, какое же сквозь века извели преобразование! Незрелый мой разум, тогда еще чаще, чем ныне, руководимый честным волнением сердца, поражался масштабам людского дерзанья, возводящего ныне дворцы и Божии храмы на шаткой болотистой почве, и — какие дворцы, какие храмы, о мадонна Беттина! Я плакал от счастья воочию видеть божественную соразмерность, в которой даже весомость тяжелокаменных сводов и башен уподоблена мнимой весомости облачных замков

распахнутой в море туманной лагуны, тех призрачных замков, обладающих зримою формой, но в реальности не имеющих веса и низко плывущих над морем...

Но все это благолепие камня, вся важная тяжесть палаццо, возведенных в торжественном стиле «маньера нуова», на чем же покоится — так, чтоб казаться непреходящей и вечной? Не на древесных ли сваях?! О да, на деревянных столпах, на листовничных и березовых бревнах, доставленных из гиперборейских пределов и стоймя вколоченных в вязкую тину лагунной трясины и далее укрепленных слоями подобных же бревен, утопленных в почву и связанных глиняной связкой: и будничный стук деревянных орудий, тех старинных, двуручных, уподобленных молоту бревен для вбивания свай и поныне, сестра, ежедневно привычен и вашему слуху.

Так в Венеции бренность ложится основой вечности, ибо люди пришли, чтобы жить и сегодня, и завтра, постигая в труде связь времен.

Но здесь — в окруженье моем — связь времен ускользает от разума, образуя пустоты, невозполнимые опытным знаньем. Не в дереве дело, но в том, что одноминутность и недолговечность здешних скученных хижин тревожат мой разум. И мнится, как будто вся жизнь здесь идет в ожиданье исхода или большого пожара; дремотное суще-

ствование сих горожан подобно дремоте обитателей сел и слобод, каковые обступают сей город так плотно, что словно срастаются с ним...

I funghi — древесные грибы в сырой гуще сокровенного сада ваших родителей на улице Гиацинтов близ Рио Деи Мираколи, эти шляпки, слоисто наполозшие одна на другую во множестве неисчислимом; эфемерные Божьи создания, лишённые чувств, но, однако, живые и плодящиеся во славу Господню, — вот картина, при посредстве которой вы могли бы сложить представление о моем окружении.

Наблюдая сию многократную брэнность, удивляешься разве упорству, с каким протекает здесь жизнь, не желающая оставить по себе продолжительной памяти и чуждая нашему чувству и помыслу о прекрасном. Понятия «гармония» и «соразмерность» как будто бы вовсе новы для сих москвитов, как донныне нов, опасен и странен для них вид чужестранцев, каковых они презирают и чураются их в опасении еретической скверны, коей (да простится мне слово, как иным прощено их невежество) представляется им благословенность нашей матери и невесты Христовой, Католической Церкви!

Но дух христианский воспрещает мне осуждение Руссов как любых инославных людей. Быть может, они, по многой милости Божьей, и ведают какую-то свою красоту, но это их знание, как и теремные женщины их, сокрыто за глухим частоколом и охраняется лютыми псами. Ни образа мыслей, ни лукавства их распознать невозможно, как нельзя и понять, на чем же зиждется эта гордыня?!

Кичливо надменные перед христианами с Запада, перед врагами с Востока, они много услужливей — даже и после того, как местный герцог Джованни, посадив в сопредельном царстве сарацинов своего приемного сына Магомета Аминя, а рггггг, известного мне не понаслышке, избавил Московию от трехсотлетней дани Татарской Орде, знакомой, конечно, и вам по словам Марко Поло, чьим правдивым рассказам мало кто в вашем отечестве верил. Горожане здесь рошцут на самодержавную власть, завсегда перед ней пресмыкаясь, и лишь в час народных смятений дерзают обратиться к ней редкий горький упрек. Мессир Марко Руссо, за годы познавший сполна московитский характер, передал мне сию характерную басню:

лет двенадцать тому тот же герцог Джованни, наущаемый гордостью и отвагой, вышел с войском навстречу Татарам — той их орде, каковая, пока не ослабла, подобно гуннам Аттилы, свирепым конным потоком докатясь до Далмации, едва не дошла и до самого Рима. Придя же к реке под гуннским названьем Угра и воочью узрев многоликость вражеских полчищ, герцог счел разумным удалиться от войска. По его возвращении в Москву горожане посада, сносившие в крепость свой скарб в ожиданье прибытья Татар, его обступили и осыпали градом попреков, говоря, что в мирные годы он, герцог, понапрасну их давит безмерными даяниями, а ныне, прогневив Татарского хана неуплатой налога, оставляет посады на растерзанье врагу. А более всех в том усердствовал некий церковник, епископ, именем Вассиан, в писаньях называя господина Москвы бегуном и обвиняя его в малодушье. Татары, однако, не двинулись дальше Угры, сочтя, надо думать, одно появленье свое предостаточным наказаньем, что здесь, по обыкновению москвитов, сочтено было Божиим чудом. Такое поведал мне мессир Марко Руссо, с которым судьба привела меня делить и труды, и общенье на самом краю ойкумены.

Но скажу, что и эти занятия подходят к концу, о мадонна Беттина. Мой разум, снедаемый жаром недуга, твердит мне, что труд мой окончен, и мысли мои, и страданья, и пыл честолюбья, и все существо мое сгинет бесследно. Но как же болезненно осязается мной уходящее время, сестра! Вам лишь признаюсь в том страхе забвенья, что ныне меня охватил, когда осознал я в разлуке с отчизной, что, вовек не женясь, на земле не оставлю потомства. Сей беспамятный страх, который в тяжком смиренье сей родственной исповеди полагаю, как и земную гордыню, неискупимым грехом, принудил меня совершить некий тщеславный поступок, а именно, подобно римлянам древности, начертать свое имя на камне в надежде на память чужих мне людей. Ибо знаю я, что исчезну: все во мне, что ныне взывает к вам болью и мукой нечаянного изгнания, исчезнет навеки, так, быть может, хоть имя мое, прозвание мастерового миланца, сохранится на вмурованных каменных досках у врат воздвигнутой мною, но не мною замысленной крепости, покуда и если она простоит сквозь века...

Простите, простите, сестра: осенив себя крестным знаменем, я продолжаю...

Давно ли, узрев вашу младость и не тотчас ли с нею простясь, я впервые приехал сюда, в чуть известный мне град, по названию Моска? Однако ж, прошло и минуло почти двадцать лет: существо мое, пламеневшее прежде восторгом дерзанья, остыло и ослабело, словно прочность его перешла в долговечность рукотворного кирпичного камня, с производства которого здесь начал свой зодческий подвиг мой скорбный учитель Аристотелис Фьораванти. Я видел, гордый причастностью к сотворению зримого мира из хаоса тьмы, как местная глина, закаляясь в изготовленной нами ломбардской печи, превращается в звонкий кирпич, столь крепкий к изумленью наивных туземцев, что и расколоть его, не вымочив прежде в воде, невозможно. Из этого нового камня маэстро, прославленный в наших краях мастерством выпрямленья кренищихся башен, и восставил на площади ветхой крепости дюка рухнувший от неумелых расчетов храм во славу Успения Матери Божьей. Быть может, ваш взор, ежедневно сподобленный видеть торжественность древнего храма Сан Марко, не слишком бы и взволновался величием этого храма, в создание которого сошлись византийская мудрость и расчетливый гений античного Рима. Однако в древесной Москве сей зодческий перл просиял подобно яркому солнцу, осветившему всю убогость и брэнность былых крепостных укреплений.

Маэстро, чей дар инженера вызвал к продолженью работы, по княжескому указу произвел чертежи и расчеты для нового московитского замка, того, что сегодня уже и обрел очертанья. Свершив этот труд и уповав возвратиться в родную Болонью, куда настоятельно звали его на служенье и подеста, и благородные лица Коммуны, он вскорости понял, что отсюда непросто уехать. Страдание об утрате отечества переполнило и его бытие, и, как я полагаю, пред мысленным взором его вставала родная Болонья в геометрии улиц, звездой расходящихся от столпных, в облаках утопающих башен Гризельда и Асинелли; храм Святого Петронио, покровителя древней Коммуны, вызвал к его гению, тревожа памятью юности, ибо известно ли вам, что фасад сего храма — работа семьи Фьораванти?

Жизнь есть сугубая, вящая тайна, мадонна Беттина, и неведомо людям, как отразится тоска по

отчизне в творениях зодчего, чей дух по свободному выбору заключен на чужбине. Всякий выбор, однако, лишь мнится свободным, ибо лежит между одним и другим подчиненьем. Учитель, который перед отбытьем в Московию отверг зов Султана неверных ради зова христианского властелина, разве знал он, какую судьбу выбирает. Вы не помните, по тогдашней невинности вашей, но в прекрасной Венеции, где обосновался учитель вдаль от некоей напраслины, на него возведенной, о турецком Султане Мехмеде ходило премное множество басен. К ним, как помнится мне, добавлялась и сказка Джентиле Беллини о том, как жестокосердый Султан, якобы пылко заспорив с ним о строении выйных жил на картине, изображающей усекновенье главы Иоанна Крестителя, отрубил в гневе голову подозревавшему с этой целью рабу, чтобы, дескать, ему, живописцу Джентиле, вполне доказать, как же именно сокращаются мышцы при внезапном усекновенье...

Но Джентиле любил прихвастнуть и набить себе цену, о Dio! Мыслимо ли, чтобы всемогущий монарх снизошел до свары с каким-то художником? Но — свирепость судьбы, кто от нее упасется? Власть земная умеет ласкать, но бывает надменно бесстрастной к страданьям. Лишь тот, чье умение жить заключает в себе не только Богоданный талант и природную сметку, но и удачу быть нужным одновременно и низшим, и высшим, может, пользуясь теплом и светом, пребывать возле пламени и ни разу не обжечься до боли уж совсем нестерпимой.

Если я и завидую кому-либо в моем положении, о сестра, так это уже упомянутому Марку по прозвищу Руссо, который столь долго здесь служит державному Герцогу Джованни, что почти уже и отпал от обычаев католической веры и, обратясь как бы в истинного московита, пребывает в Московии как рыба в воде. И не диво, он ведь прибыл сюда еще в свите царственной Зои Деспины, о которой, быть может, ведаете вы из записей Амброджио Контарини, чьим предкам-дожам обязано ваше отечество несравненным своим процветаньем.

Если же за многою занятостью по хозяйству сия книга осталась неведомой вам, то смиренно скажу, что в лето Господне 1474 благородный мессир Контарини был послан с посольством к персидским номадам, называемым Белорунными Туркоманами, дабы их властитель Узун-Хасан, пусть и будучи злым врагом Христа, послужил христи-

анскому миру, ударив с востока в тыл пленившему и разорившему Константинополь Султану неверных. Не раз упомянутый в его книге мессир Марко Руссо, чье воспитание в пограничной с язычеством Каффе с рождения научило его Татарским наречьям и непростому искусству общения с Востоком, исполнял в то время в тех же дальних персидских пределах роль посла Московитов.

Быть может, сестра, ваш супруг, мессир Руджери, ведает больше о временах, невозвратно ушедших, но таких недавних в моей беспокойной памяти, когда я, по соизволению Создателя, оказался впервые в сем граде Моска, который и городом - то можно было назвать лишь с великой оглядкой. Но с приездом Деспины, чья царская кровь роднит ее с базилевсами утраченной христианами Византии, сей Богом забытый предел возомнил себя Римом Востока. Земля Московитов, где господствуют железная воля Великого князя Джованни и просвещенность Деспины, изведав за годы свет древних греческих знаний и ломбардских умений, нуждается в знающих людях и ныне, но тогда, у истоков новых обычаев, всякий ловкий умелец ценился уж вовсе без меры.

Мессир Марко если не голубизною очей, так рыжевою волос вполне отвечал бы и прозвищу Россо. Будучи человеком, в бытность свою в генуэзской Каффе познавший не только тамошнее умение строить, но и множество иных умений, уверток и ухищрений, свойственных коварной и вероломной Генуе, сей давней морской сопернице вашей отчизны, оказался в Московии как бы незаменимым, коль скоро умел быть и казаться своим везде и повсюду — и при дворе Герцога, и в римской свите Деспины, и среди сарацинов в варварских, страшных и безводных степях, прилегающих к Каффе. Он немало помог Контарини в бедственных тяготах странствий, проделав с ним путь через многие страны и грады к Москве — стольному граду Гипербореи.

Здесь впервые и встретились мы, поскольку мессир Контарини встал было постоем в покоях учителя, однако по капризному повелению Герцога Джованни был вскорости выселен — прочь за пределы московитского замка. Мессир Руссо при том не оставил венецейского посла своей дружбой, да и то, ведь следовали ему от сего благородного спутника некие деньги, а именно, те, которые он, по его же словам, одолжил у здешних настырных купцов на выкуп посла, едва ли не взятого в плен в азиатских пределах.

Признаюсь, удивляет меня сей Марко, по прозванию Руссо. Непринужденность его в умении общаться с людьми разных вер и обычаев меня поражает и ныне, спустя двадцать лет, но тогда, когда я с ним повстречался впервые, эта легкость, покоровив своим панибратством, привела меня в совершенное уж изумление.

Вам, сестра, по рождению венецианке, в меньшее удивление, быть может, стал бы образ христианина, чье католическое воспитание никак не препятствует выгодным сделкам даже и с недругами нашей матери - церкви. Меня же, проводшего детство в ломбардских горах, а юность в Милане, в постоянном и трудном ученье под строгим надзором отца, когда-то и жемчужная ваша Венеция привела в восхищение пестротой народа и явным сродством с подобьем Востока. Какою же мне явилась бы генуэзская Каффа, сей древний рынок азийский, где, по рассказам вездесущего Марко, за века воедино смешались сарацинская утонченная роскошь, кочевая лихость степей, христианская сметка и варварство работорговли!

О память, как тверда она и как неизбывна, подобная зданьям минувших эпох! Как церковь Святого Захарии, обычная вашему взору, стоит на камнях девятого века и лишь недавно одета новым дивным убранством, так и память моя совмещает всечасную новизну и вековую привычность! Ничего из нее не исторгнуть, ибо исторгнуть — значит разрушить все здание. Память о вас — постамент моей жизни, мадонна Беттина, но много, слишком много вод — и темных, и светлых — утекло с той поры не только в ниспадающих с гор реках и инженерных каналах моей милой и, чувствую, навеки утраченной миланской отчизны, но и здесь, в баснословной Московии, в стране несказанных сокровищ и несказанной гордыни, где я обитаю, словно уже на том свете — среди народа, всерьез ожидавшего ныне, в лето 7000 от сотворения мира по своему исчислению, Конца времен и Страшного Судного дня! Да, семитысячный год миновал, и мир волей Божьей продлился, но страх ожидания Суда — он навеки пребудет в потрясенных сердцах Московитов, да и только ли в них? Вот из Флоренции слышно, что и Савонарола огнеречивый, ополчась на объявшае мир и всеми искусствами восхваляемое язычество, не всуе вещает, что и мир развращен, и Церковь Христова, и Господен карающий меч уже упадет на землю. Не сама ли природа на-

сылает на землю кару за карой? Неслыханно лю-
тые снежные зимы, гром в январе, наводнения
и засухи, и пламень пожаров, пожирающий ка-
менный Краков так же запросто, как древесные
города Московитов... Купцы говорят, там, над
Польшей, смущая людей, встали в полдень три
солнца, возвещая неизбежность и неотвратимость
и повторение ужасов Века Чумы...

...перечел — как бессвязно, как темно все, что
написано мною! Прежние мастера оставляли
записки, исполненные поучительности и опыт-
ных знаний, а меня не подвигли ли к записям
лишь темные страхи забвенья? Но — заклинаю
вас — верьте! Верьте гласу, вопиющему в дикой
пустыне, ибо нам никогда не свидеться с вами
воочью. Теперь, все чаще прибегая к спаситель-
ной силе молитвы, я думаю — нет, я знаю, что
умру на чужбине. Лишь это письмо, если Со-
здатель и Пречистая Дева помогут, донесет до
вас последнюю весть обо мне. Через месяц или
же полтора — по летней дороге — его высочество
Герцог Джованни вновь направляет посольство
в азийскую Каффу, где, быть может, окажется и
венецианский купец, чтобы доставить к вам это
посланье. Узнать что-нибудь в достоверности
здесь немислимо трудно, но некий дьяк, сиречь
придворный советник, теперь обещал, что возьмет
мои записи в Каффу. Я поверил, ведь и обещанье
он дал не задаром.

В надежде на эту оказию я и начал несвой-
ственный труд и теперь, уповая и положась на
благосклонность и милосердие ваши, на сегодня
его завершаю, ибо повесть моя в печали своей
длинна и подробна, и многое мне надлежит об-
думать прежде, чем изложить на бумаге.

Сегодня же — помяните меня в вашей тихой
молитве. Среди страждущих и больных и томя-
щихся на чужбине помяните и вашего брата, бед-
ного мастера Пьетро Солари, ибо скорбен мой
дух и взыскует участия и хоть малой надежды...»

XXX

*

Vanitas vanitatum. Светоч веры Абу Хамид Му-
хаммад ибн Мухаммад аль-Газали из города Туса,
да будет Аллах им доволен, говорил в наставление
пишущим, что нет в тварном мире предмета воз-

вышенной и благородней пера, ибо только перо
воскрешает мертвых.

Но разве не он же предостерег нас от произвола
пера над пишущим, дабы те, кто умеет не только
смотреть, но и видеть, признавали над собой толь-
ко волю и власть Всеединого Бога?

Посему мы, усталый беглец и упорный скази-
тель, промышляющий чтением не нам предназ-
ченных писем и во всяком нечаянном солнечном
блике прозревающий Божью улыбку, вопрошаем:
неужто и нам ныне дано позволение домысливать
и доглядывать прошлое, подобно иным соглядата-
ям, избирая в человеческих толпах единственный
лик из великого скопища ликов?

Мы знаем уже, что всякое знание — лишь намек
на искомую истину. Мы знаем, что всякое пись-
менное изображение — лишь мгновенная ипостась
человека, такая ж игра обстоятельств, как само
настроенье писателя и как своенравное действие
пера. Что же есть все наши догадки о людях, жи-
вущих в отдельных мирах, сопряженных лишь
тем, что все они сотворены Единым Аллахом? Не
суть ли и это мираж бытия, отвлеченная живость
ума и фантазии скорбной души, уберегшей себя,
словно чудом, от превратностей жизни, каковые
одни и шлифуют характер? Только тех, кто, по-
добно нам, ловит в мире скользящие тени допод-
линных истин, все видения прошлого тревожат
печалью о несвершившемся и несвершенном.
Так нам ли навязывать собственных призраков и
свои миражи сочувственным людям, когда и нам
самим они с такою страшною силой надрывают
сокрушенное сердце?

Но поздно, поздно! — ведь всякий, кто, миг за
мигом теряя различье времен и эпох, взял за обы-
чай бессонною ночью внимать золотому журча-
нию звезд, уже начал в своем безвредном безумии
жить только прошлым. Посему в том, что минуло,
каждый слышимый запах, каждый звук донося-
щейся музыки сфер и каждое дуновение ветра бес-
покоит и нас живым осязаньем того, что все это
было и с нами в наших сумеречных и скорбных
блужданиях по садам избирательной памяти.

И мы понимаем тогда, что наш суетный разум
и глупое любвеобильное сердце в который уж раз
посетило осязанье всеобщих бессмертий.

О Аллах, о Владыка миров и Ваятель судеб, будь
же гостем скудости нашей. ■

Продолжение следует.

Наиля Ахунова

Из цикла хайку «Чётки»

ПАМЯТИ МОЕЙ МАМЫ*

Воспоминания бесконечны.
Перебираю чётки
всю ночь...

Время в больнице
течёт со скоростью
капельницы.

Серёжки в ладони
принесла санитарка...
Последний подарок от мамы.

Пережила свою хозяйку
треснутая чашка
в цветочек.

Бесконечный лабиринт сна.
Вдруг за поворотом –
мама?

Мы только гости
в этом мире.
А в других?

Портрет в чёрной рамке.
Два жёлтых тюльпана.
Надолго ли разлука?

За калиной
в старом саду
тень мамы.

Голубые глаза Луны
и ночи без сна –
Наследство моё.

Кактус расцвел
в день рождения мамы
в доме осиротевшем.

Под утро
прилетела бабочка
из моего сна.

Чёрная бабочка,
Ты откуда зимой?
Тень на потолке...

*Посвящается памяти моей мамы, талантливого татарского прозаика и переводчика, члена Союза писателей Татарстана Гульшахиды – Шаиды Абдрахмановны Максудовой (29.11.1926-7.02.2009), которой в 2016 году исполнилось бы 90 лет...

В 2017 году исполняется 20 лет казанскому литобъединению «Белая ворона», которое появилось на свет в 1997 году под крышей Казанского медуниверситета. Его организатор и бессменный руководитель – Наиля Ахунова, член Союза писателей РТ, засл. работник культуры Татарстана, лауреат премий им. М. Горького и С. Сулеймановой. ЛИТО «Белая ворона» проводит с 1998 года Межрегиональный фестиваль поэзии им. В. Тушиновой «Галактика любви» и др. лит. конкурсы, активно помогает молодым авторам, в том числе и с ограниченными физическими возможностями, реализовать свои способности, успешно участвует в российских и республиканских фестивалях, различных творческих и социальных проектах. За эти годы увидели свет многие издания авторов литобъединения «Белая ворона», более десятка сборников ЛИТО, а также публикации в СМИ и Интернете, в том числе и в журнале «Идель».

«БЕЛАЯ ВОРОНА»

Свет и любовь – мне кажется – это девиз удивительного творческого объединения «Белая ворона». От членов этого ЛИТО исходит такое тепло, добро, искренность, что каждая встреча согревает душевно. Спасибо Наиле Ахуновой – бессменному вдохновителю этого чуда!

*Раиса САФИУЛЛИНА,
член Международной конфедерации журналистов,
Союза фотохудожников России*

Что такое ЛИТО «Белая ворона»? У каждого свой ответ. Это и литературная мастерская, и место встреч единомышленников. А ещё это Гнездо, большая семья чудо-птиц, летящих навстречу мечте, делающих мир прекрасным. Семья, которая тебя любит, воспитывает, закаляет, а главное – верит и вдохновляет!

Наиля Гарифзяновна, Борис Григорьевич, спасибо за крылья!

*Екатерина АНИЧКИНА,
поэт, член Союза писателей РТ, рук. филиала ЛИТО «Белая ворона»
(Альметьевск)*

К 20-летию литобъединения:
стихи авторов ЛИТО «Белая ворона»

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Филипп ПИРАЕВ

***

По радио трещали о морозах,
шуршали вдоль домов кометы фар,
и был рассвет беспомощен и розов,
как в обществе прелестницы школяр.
Брело слепцом унынье по аллеям,
и, всхлипам расставания под стать,
слетали с губ созвучья, и, немея,
озявшей стаей рушились в тетрадь.

А ты спала, доверив чуткий профиль
затейливому бризу покрывал,
и тикала судьба, и верный кофе
задумчиво на стуле остывал.
А ты спала и, возгласом крылатым
встречая восходящую струю,
парила, тайной радостью объята,
у холода Вселенной на краю.

Шептали стены и будильник плакал:
«Очнись, как можно спать, когда вокруг,
грозя бедой, как вражеский оракул,
колотят в бубны полчища заструг!»
И так частила, на пространство множась,
нахрапистая белая картечь,
что сковывала разум невозможность
тебя, закрыв собою, уберечь.

Но ты – спала, лучисто и спокойно,
и слышалось в дыхании твоём,
что не всевластны немощи и войны
и не навек сугробы за окном.
И жвалы тьмы растрескивались где-то,
в труху забвенья тцась перетолочь
у вечных льдов, сжигающих планеты,
двумя сердцами вырванную ночь.

Алексей НОРИН (Вятские Поляны)

ХОРОШО БРОДИТЬ ПО СВЕТУ

***

Хорошо бродить по свету
С непокрытой головой
И кричать на всю планету:
«Воскресенье – выходной!»

Размочить воскресный вечер
Рюмкой терпкого вина
И зажечь на счастье свечи,
Если полная луна,

Натянуть халат махровый
И сидеть так до зари,
Проглотить кагор столовый,
Пока гаснут фонари,

И уснуть во тьме кромешной
Перед книгой Бытия.
И проснуться вновь безгрешным,
Словно малое дитя.

Екатерина АНИЧКИНА (Альметьевск)

***

Я уже не брожу по крышам,
Потому что могу летать.
Крыльев бабочки трепет слышу
И записываю в тетрадь

Звук весенних лучей – по нотам,
Запах сонной травы в росе.
Я смеюсь до больной икоты
И ношу васильки в косе.

Укрываясь седым туманом,
Засыпаю под лунный блюз,
Проплывая над океаном,
В сеть ловлю облака медуз.

А вокруг суетятся люди,
Как на дереве муравьи,
Забывая, что в книгу судеб
Все записаны для Любви.

Ильдар САФИН

ПОКА ТЫ СПИШЬ

***

Пока ты беззаботно спишь,
Я на тебя гляжу украдкой.
А ты вздыхаешь и молчишь,
Виденьям улыбаясь сладко,

И шепчешь что-то, и сопишь,
Обнявшись с мягкой подушкой.
Как будто делишь, как малыш,
Секреты с доброю подружкой.

От солнца на ресницах дрожь.
Ты знаешь – я тобой люблюсь,
И глаз не открывая ждешь,
Что день начнётся с поцелуя.

Леонид ХОТИНОК

ДВЕ КЛАССИЧЕСКИЕ ЛУНЫ

***

Люблю луну холодной ночью
В конце начала ноября,
Когда, по чёрным лужам волчью
Тоску слезами серебра,
Она плывёт, как на картинке,
В пустыне улиц и планет
И гасит мелкие снежинки
О выщербленный парапет.
И как-то явственно подвластно
Преобразование вещей
От искры кварца жёлто-красной
До мыслей жертв и палачей.
Какое-то другое зренье,
Потягиваясь в полусне,
Приоткрывает день творенья –
И это ночь. И в глубине
Её отчаянного ока,
Ещё черна и холодна,
Непоправимо одиноко
Иная властвует луна.

Людмила ПЕЛЬГАСОВА

***

Небесный генштаб не дает интервью для вечерних сводок.
Мы можем лишь верить несмело в то, что наш позывной
Сквозь шорох мембран и хаос помех от случайных наводок
В тяжелый момент успеет засесть небесный связной.

Но связь не беда, пока приказом горней обители
К тебе прикреплен незримый радист, проводник и медбрат.
Еще до рожденья он был назначен твоим хранителем:
Тебе остается тропой идти, не смотря назад.

И, может, однажды, пройдя сквозь ад целины заснеженной,
Избегнувший пули, огня или просто спасенный врачом,
Заплачешь навзрыд, удивляясь тому, что жить по-прежнему
Тебе не дает холод пустоты за правым плечом.

Но ты будешь жить, пить кофе, бродить по улицам,
Тебя не поставит в известность штаб, не слишком скорбя,
Что месяц назад, исполняя свой долг и святую функцию,
Твой ангел-хранитель погиб, принимая удар на себя.

Юлия САНДЛЕР

СУМЕРКИ

***

Сумерки пахнут дождём и листвой,
Полнятся грустью, свиданьями, мыслями...
Окон уют проникает во мглу
Сумерек, мягко скользящих над лужами...

Призрачны фары гудящих машин.
Люди – как тени, идущие в прошлое:
Кто-то иллюзии в сумках несёт,
Кто-то апрелем давнишним надушен...

Медленный бледно-лиловый туман
Тянется дрёмой, безвременьем, тайною,
Делая улиц пролёты длинней,
Где прохожу я, как в кадрах замедленных...

Листик опавший к ботинку прилип,
Робко спасаясь от гибели в слякоти,
В руки беру, будто это звезда –
Странно на листик похожая в сумерках.

Инесса ФА

В КОКОНЕ

***

Словно память о беспечном лете,
В скрученном листочке хрупкий кокон,
Ты опять во сне меня не встретил,
Хлопает дверьми холодный ветер,
Падает на город снежный локон...

В скрученном листочке хрупкий кокон
В паутине сна слегка заметен
Из застывших прошлого волокон –
Холодно мне в нем и одиноко,
Я одна на этом белом свете.

Ты опять во сне меня не встретил,
Тенью проскользнул, промчался мимо,
Только время к нам неумолимо –
Милый домик стал мне слишком тесен,
Ночью крылья ноют нестерпимо.

Хлопает дверьми холодный ветер,
Может быть, мечта недостижима,
Вечною подругой добродетель –
И не сможет дверь сорваться с петель,
Не тобою буду я любима.

Падает на город снежный локон,
Ни следа на тропках, ни отметин,
Только эхом звон разбитых окон –
Я проснулась! Мой разорван кокон!
Бабочкой взлетаю на рассвете!

Наталья ИВАНОВА

ПО ДОРОГЕ БЕЖАЛИ СЛЕДЫ...

***

По дороге бежали следы. А по снегу плелась за следами тень.
Было ясно и холодно. Где-то, готовясь восстать, умерла весна.
И подумалось: что если правда? Что если сегодня – последний день,
А за ним ничего. Ни тебя, ни меня, ни теней, ни следов. Финал.

Если страхи чужие верны – так отчаянно хочется быть с тобой:
Рассказать свою сказку с начала, поверить, что всё ещё может быть...
Ясно. Холодно. Звёздно. И ломит виски. Я иду домой.
Ставить чайник, будильник, приёмник – и если получится, то не выть.

Елена ЧЕРНЯЕВА

***

Старик Время несёт нас на плечах
В своём тесном тёмном мешке.
Мы не знаем, куда мы идём.
Лишь через тонкую щель,
Которую сделали острым ножом
Наших чувств, мы видим мир.
Он тянется к нам тонким лучом света
Сквозь тёмную мешковину.
Что там? – ты спрашиваешь меня.
А я вижу не больше, чем ты.
Я вижу чуть-чуть: серую дорогу и ноги того,
Кто нас несёт. И больше ничего...
Но в этой дорожной пыли я замечаю
И капельки прозрачной росы,
И сухую травинку, и перо
Какой-то невиданной птицы.
Ты сидишь в мешке и молча что-то жуёшь,
А я рассказываю тебе про то, что вижу.
А старик Время всё несёт и несёт нас куда-то...

Галина КЕШИНА

ГОРЛИЦА

***

(песня)

Студень студнем – всё промёрзло, всё застыло,
Я тебя не дозвалась, не долюбила.
Разлилась река-разлука долгой мукой –
По злобе людской останусь вековухой.

Без тебя ничто не мило, дом постылый,
Гордой горлицей по горнице унылой
Заметалась, не таясь, заголосила,
Злая доля приговор мне огласила.

Вольный ветер, унеси меня далеко,
За мечтами, где не будет одиноко...
Растворюсь в лучах заката и растаю.
Обо мне грусти, завидя птичью стаю.

В горницу, из горницы – покою не обрести,
Приворковали милого – одна зола в горсти.
Надломленная веточка не набирает цвет,
Без Сокола, без Ясного не мил мне белый свет.

Лора ТАССИ

ЛЕБЕДИ ЭЛИЗЫ

***

снится лес волчице, мне снится бездна,
лебединая снится белая стая.
ты забыл, что крылья мои подрезал,
вот, смотри, уже новые отрастают.

ты однажды уйдёшь – на охоту или в запой, но
повеет розовыми цветами,
и тебе на мгновение будет больно
осознать, что скоро меня не станет.

посильнее стянешь узлом запястья,
на плечо закинешь ружьё-двухстволку.
улетают в полночь двенадцать братьев,
и бежит волчица к седому волку.

ты стреляешь в воздух, крича бессильно,
кто придумал смену луны и солнца?..
и уже на взлёте хватаешь крылья,
но в руке пара пёрышек остается.

ночь, взгляд лебеда с поволокой,
а по небу россыпью звёзды, звёзды...
закрывай в доме щелочки, двери, окна.
пока не поздно.

Анна АКЧУРИНА

ВНЕ

***

За слёзной, жгучей пеленой
Несбывшееся – тёмной рыбой
садов таинственных Магриба
дрейфует надо мной,

пересекая Млечный крен,
блистающий тяжелой сетью
живых роящихся соцветий.
Но ей не страшен плен.

Взломай же ставень ледяной.
Пусть, невесомостью играя,
звезда дробится голубая –
стальной волной.

Фарида ЗАРИПОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕРЕВНЕ

***

Помню, в деревне осень:
Синего неба бязь,
В окнах сухие осы
И паутины вязь.

Утром – поход к колодцу.
В ведрах плескался свет,
Наискосок от солнца
Белый тянулся след.

Бабушка за оградой
Старый сушила мех,
В дверь с холодком из сада
Звонкий врвался смех.

Петли скрипели тонко,
Первый крошился лёд,
В сотах янтарной пленкой
Свежий светился мёд.

Падал румяный вечер
Яблоком в палисад,
И на кривом крылечке
Сохли калоши в ряд.

Ирина Покровская

***

семь дней осталось
стошестьдесят часов
год високосный
упрятать спешу минуты
в секунды каждого дня

Набира Тиматдинова

АНГЕЛЫ

Окончание. Начало в №1, 2017

3

Моя холщовая сумка набита книжками, которых должно было хватить на все лето. Над этой сумкой мои одноклассницы издевались, называя ее мешком — еще бы, у них - то украшенные фурнитурой и заклепками модные сумки, которыми они хвастались друг перед другом. А мне было все равно. Сурия - апа наказывала мне читать по одной книжке каждый день, но в моем возрасте лето — это уже огромная книга, на каждой странице которой прописаны интересные события и человеческие судьбы моих односельчан. Смотри, наблюдай, слушай — всё как на ладони. Кто - то печалится, кто - то радуется, кто - то смеется, а кто - то плачет...

Вот день напролет рыдает моя старшая сестра: её бросил парень. Ей бы радоваться, что Бог уберет от такого жениха. Пробовала ее утешить: «Твой Рахим выпить любит. Через несколько лет увидишь, как он будет валяться на улице, словно свинья». Но сестра была не в состоянии что - либо воспринимать, она крикнула мне со злостью: «Ты еще со своей дурьей башкой мне будешь советы давать!» Больше не пытаюсь ее утешать, они секретничают в саду с Накией - апа, младшей сестрой отца. Сестра причитает: «Ах, не уберегла я свое счастье!» Мне хотелось сказать ей: «Счастье — это вовсе не платье, которое нужно беречь, сча-

стье — это мгновение. Вот присела на ветку птица — присела, и через миг улетела. Вот и счастье тоже», — так бы объяснила я сестре.

Накия - апа стоит с ведром, перекладывая его из одной руки в другую, слушает мою сестру. А та знает, что Накия - апа торопится, тогда зачем задерживает ее?

У нас в деревне есть летний базарчик. У кого что - то уродилось в большом количестве, выносят продавать, особенно в ягодную пору десятки ведер выставляют на продажу. У кого - то земляника, у кого - то красная смородина, у кого - то белая... Женщины готовы иногда последнее отдать, чтобы отправиться на базар, потому что здесь всегда интересно, здесь самый дорогой товар — не ягоды, а слухи и сплетни...

Наконец, Накия - апа освободилась от моей сестрицы. Видимо, она давно хотела попасть на рынок, поэтому ускорила шаги, я еле за ней поспевала. Поясню, почему она торопилась. Она каждое лето приезжает к нам из города и живет подолгу. Варит разные варенья из ягод. А осенью эти стеклянные банки увозит в Казань ее муж, вечно хмурый Амир - абый.

На базаре начиналась оживленная торговля. Галдящие продавщицы окружили Накию - апа со всех сторон, расхваливая каждая свой товар, а

она, не обращая ни на кого внимания, направляется к Альфинур, которая стоит в самом дальнем углу. Накия-апа, не торгуясь, говорит:

– Накладывай! – и протягивает ей свое ведро.

Нас провожают хиханьки-хаханьки и шушуканье за спиной.

Я с досадой спрашиваю у Накии-апа:

– Неужели больше ни у кого другого нельзя было купить?

– У нее крупнее, чем у других и свежие, без гнили.

– Не обманывай! И мелкие, и гнилые!

– Эх, девочка! – голос у Накии-апа стал прерывистым. – Что ты вообще знаешь?! Ты ведь...

«Да, я придурковатая деревенщина! Не обижусь, скажи!»

– Это ягоды, которые выросли в саду у моего Сибгата. Он их сам растил, поливал. Любит он садоводством заниматься.

Сибгат был ее первым мужем, с которым они развелись десять лет назад. Он был агрономом, а наша тетя была красавица с нежными ручками, которые никак не годились для черной работы.

– Корову доить, грести навоз, картошку окучивать и жуков с нее собирать – такая жизнь не по мне, племяшка, – сказала Накия-апа. – Я рождена, чтобы меня любили и на руках носили. А Сибгат бесчувственный, не ценит мою красоту. Ему такие куколки, как я, не нужны.

Моя тетя и вправду похожа на куколку. Волосы длинные, талия осиная... Постоянно красит ногти в розовый цвет, а если чистит картошку, то надевает резиновые перчатки. Если надо было помыть пол, подмести во дворе, прополоть сорняки в саду, мама даже не просила ее это сделать. Зато наша гостя варила вкусное варенье, а еще, быстренько замесив дрожжевое тесто, пекла вкусные олады.

Когда мы с Накией-апа перебирали ягоды, мама вспомнила:

– Дочка, тебя звала заведующая почтой Гульмарьям. Вы ведь с ней дружите, не знаешь, почему она волосы постригла и покрасилась? Валлахи, когда встретила ее, даже не узнала!

Наша гостя заинтересовалась:

– Вы правда дружите? Тогда, может, ты знаешь?

– Если всё, что знаешь, сразу выкладывать, то мешок быстро опустеет, – ответила я.

– Ну и язык у тебя, племяшка, – обиженно сказала Накия-апа.

Только мама, которая не умела злиться, произнесла:

– Накия, не обижайся на нее. А ты, дочка, не заставляй ее ждать. И сначала сходи умойся!

Видимо, у меня на лице был сок от смородины. Я протерла лицо тыльной стороной ладони и побежала к Гуль-апа. Как назло, по пути мне попался Сибгат-абый, который дымил сигаретой. Он сроду со мной никогда не здоровался, все время вид у него был мрачный. Но сегодня почему-то протянул руку:

– Эх, сестренка, ты ведь младшая дочка Акмала, которая любит по полям гулять? Ты понимаешь, как хорошо бывает в поле... Если бы у тебя с головой был порядок, то надо было бы тебя отдать на агронома учиться! – видно было, что Сибгат абый уже успел поддаться. – Знаешь ли ты, что я тебе должен быть дядей? Если бы Накия до сих пор была моей женой... Вот скажи, зачем она сюда приезжает каждый год? Почему постоянно попадается мне на глаза? Назло мне, наверно, хитрая лиса, хочет, чтобы у меня сердце кровью обливалось!

«Вот оно, значит, как, а ты, Накия-апа, говоришь, что ты ему не нужна... Смитри, как у этого с виду бесчувственного чурбана душа болит. А если сказать ему, что наша тетя тоже забыть его не может, вдруг подолью масла в огонь? Ничего не нужно говорить. Таким людям, видно, суждено, не показывая виду, сгорать изнутри...»

...Когда я зашла, Гульмарьям-апа крутилась перед зеркалом. Обертку она сменила, но содержимое всё то же.

Наша «почта» отрезала свои длинные косы и сделала завивку, на ресницах густой слой туши, на щеках румяна. Со стороны вроде красиво, но что-то было не то, это была не Гульмарьям-апа. Я вспомнила, как однажды у нас в сентябре зацвела яблоня.

– Совсем с ума сошла, – сказал отец и хотел ее срезать.

– Не трогай ее, Акмал, – остановила его мама. – Деревья с возрастом, как и люди, иногда теряют голову.

Сейчас Гульмарьям-апа напоминала мне ту яблоню.

– Зачем звала? – спросила я, топчась на пороге. Гуль-апа, поняла, что сразить меня своим видом не удалось.

— Шамиль пропал, — жалобно заговорила она. — Вот уже целую неделю неизвестно где находится. Эх, да что я тебе жалуясь! Разве можешь ты меня понять? Ты только и годишься, что мелкие поручения выполнять. Сейчас Шамиль, наверно, в канцелярии, сгоняй туда по-быстрому, матурым. Только при людях не говори, передай на ухо ему, что, мол, Гультарьям-апа тяжело заболела, лежит при смерти, попрощаться хочет. Все-таки я ему жена как-никак!

— Да, ты точно больная, — сказала я.

«Почта» всплеснула руками:

— Тьфу, тьфу... Не говори так, я вообще-то в полном порядке, это же просто хитрость. Как только он откроет дверь, я сразу брошусь ему на шею. А уж если увидит, как я помолодела и похорошела, точно не устоит! Что же ты стоишь, беги уже!

— Гультарьям-апа, ты определенно больна, — повторила я. — Сама знаю, что иногда бываю чересчур прямолинейной и безжалостной, но ничего не могу поделать. — Ты подцепила болезнь, которую зовут Шамиль.

В канцелярии никого, кроме Шамиля, не было. Он стоял у стола, пытаюсь сложить бумаги в кожаный портфель, а бумаги не лезли и сыпались на пол. Собрав их с пола, он снова запикивал их в портфель.

— Добрый день, — поздоровалась я.

— Добрый, и что дальше? — проворчал он. — Зачем пришла?

— Просто так...

— Тогда брысь отсюда, я тебя не звал!

Он направился к входной двери. Я вышла за ним на улицу.

— Ноги решили сделать?

— Что-о? — Шамиль бросил на меня злобный взгляд и, подхватив под мышки, бросил на заднее сиденье машины. — Вот возьму и запру тебя в погреб, ты мне здорово кровь попортила, пигалица!

Я не испугалась: без разрешения Аллаха ко мне и пальцем прикоснуться не посмеют. Это убеждение перешло ко мне от веры. Он и вправду только пугал, ни в какой погреб он меня не запер, только высадил посреди поля. И сам из машины вышел.

— Уезжаю я из вашей Фумы, — заорал он мне. — Радуйся, уезжаю! — Со злости он пинал ногой камень, оказавшийся под ногами. — Не

угодил, видите ли, вашему начальству! Ничего, меня в другом районе ждут с распростертыми объятьями, я вам не какой-нибудь мальчишка, я, знаешь, кто? — с этими словами он хотел ударить себя в грудь, но, видимо, подумал, что я не тот человек, который это оценит. Свернув губы трубочкой, протяжно свистнул, а потом как-то тоскливо проговорил:

— Мне у вас в Фуме ничего не жалко терять, жаль только это поле, на нем в этом году пшеница на редкость хорошо уродилась... Я бы с гектара шестьдесят тонн запросто снял бы, — сказал он, указывая как раз на то поле, куда я ходила слушать своих ангелов...

— А теперь вали отсюда поскорей! — вдруг снова сердито крикнул он мне.

Неужели ничего не хотите передать Гультарьям-апа? — хотела я спросить, но решила промолчать. У меня вообще не было права задавать такие вопросы. Но я радовалась, что Шамиль уносит ноги из нашей деревни!

Когда вернулась с пустыми руками, Гультарьям-апа сказала:

— Вот, значит, как, — и из глаз у нее крупными горошинами покатились слезы.

— Аллах, к сожалению, не одарил его способностью любить, он только самого себя любит, — пыталась я вразумить ее.

Не нашла я других слов, чтобы утешить бедную женщину. Не сумела найти...

4

Ах, лето, почему ты проходишь быстрее всех остальных времен года? Вот уже мои родные снова собирают меня в Салкын Чишме. Моя старшая сестра наказала: «Туда-сюда не мотайся между деревнями, мы тебе всё, что нужно, отвезём — и картошку, овощи, и мясо». Она работала поваром в школьной столовой. Не могу объяснить, почему, но все женщины, которые имеют дело с едой, бывают такие злюки, что еда, приготовленная ими, превращается в отраву. А моя сестра еще и пухла, как на дрожжах, от своей вредности. Конечно, она по-своему меня любит, но мне всегда казалось, что от нее веет холодом.

Как-то раз сестрица заявила:

— Кто меня замуж возьмет, если у нас в семье ненормальная еда, вот поэтому и обходят столовой.

Знала бы она, какой это грех — обвинять в своих несчастьях других! Нет, я не обижаюсь на нее, она ведь моя сестра, от души желаю ей счастья.

Мама вступилась за меня:

— А при чём тут Гашура? Ты же ее в дом к мужу с собой не заберешь как приданое?

— Ну, мама, ты совсем не соображаешь, что ли? — У нас же кровь одна, а вдруг ее слабоумие на моих детях скажется?

«Ничего не скажется, я в полном уме и здравии, только вы меня за дуру держите».

...Родители отвезли меня к бабушке Минзифе вместе с полагающимися гостинцами и продуктами. Картошку загрузили в погреб, уток и гусей — в холодильник. «Покушай и ложись спать», — кажется, мои родители видят мою жизнь только в этих аспектах, а школа кажется им местом, где детей учат читать и писать, а мои занятия религией казались им странными. На свете есть истины, которые, сколько бы ни старался, невозможно доказать, уж поверьте мне. Да, есть. Это — Гашура. «Я живой нормальный человек», — сколько бы раз я им ни твердила, все равно не поверят.

Всё лето мы не виделись с абыстай, она встретила меня, ласково погладив по спине.

— Ну как, молитвы еще помнишь?

— Конечно, помню.

— Иншалла, в этом году продолжим учиться.

Показалась Сурия-апа, которая тащила с огорода тыкву. Женщина и сама за лето округлилась, словно проглотила тыкву.

— О, кто к нам приехал, Гашура! — обрадовалась она. — Как твои дела?

— Здравствуйте, Сурия-апа.

— Не пожелтела еще, — и абыстай закатила тыкву под стол.

— Мама, не убирай ее, я хочу в суп ее покрошить. И гостью нашу угостим, — сказал моя учительница, обнимая меня. — Ух, как ты вытянулась за лето! Делала то, что я тебе задавала?... Как же так? Неужели ни одного задания не выполнила?

— Даже не открывала.

У Сурии-апа лицо помрачнело, словно тучка набежала на солнце.

— Значит, все наши старания как вода в песок...

Зато абыстай аж засияла:

— Правильно, дитя мое! Все эти премудрости от шайтана, молодежь от этого только портится. Мы тут с муллой посоветовались, решили избу на твое имя переписать. Ты же моя смена, деточка.

— О чем ты говоришь, мама? Гашура очень способная девочка, ей непременно нужны знания по школьным предметам! — попыталась возразить Сурия-апа.

— Не шуми тут, иди готовь свою тыкву, — проворчала абыстай.

Тут у меня что-то кольнуло в сердце. Ведь я на искреннее желание помочь отвечаю черной неблагодарностью!

— Сурия-апа! Я ведь всё, что мы прошли, отлично помню! Можешь проверить.

Мы с Сурией-апа заперлись в комнате. Не кривя душой скажу, что к учебе в школе у меня душа не лежала, но что делать, если рядом сидит будущая мама, которая хочет, чтобы у меня были знания... И ей от меня ничегошеньки не надо, даже горсточка снега! Разве могла я упираться в подобных обстоятельствах?

— Ну как, Гашура, чем в каникулы занималась?

— Помогала маме, на току работала на сушилке. Папа говорит, что в этом году хороший урожай. С одного поля замучились рожь убирать, столько ее уродилось.

— Наверно, много удобрений внесли весной?

— Нет, это поле благословенное. Над ним летают ангелы и читают молитвы.

— Ну, ты и фантазерка, Гашура! — Сурия-апа не стала со мной спорить, но добавила серьезным голосом: — Тебе пора расстаться со страной сказок, нужно хоть немного подумать о будущем.

Проверив оставшиеся у меня в голове знания, моя учительница осталась довольна.

— У тебя, Гашура, феноменальная память. Ты усвоила программу десятого класса, с сегодняшнего дня приступим к одиннадцатому.

— Куда же мы торопимся? Еще ведь два года есть до окончания школы, — сказала я.

— На соревнованиях награждают ту лошадь, которая первой бежит.

— Меня награды не волнуют.

— Эта награда — твоя будущая жизнь, Гашура. Через три месяца, когда у меня родится ребенок, я уеду в Москву. А до этого будем с тобой заниматься, понятно?

«Ну, зачем она меня мучает? За какие грехи мне это наказание?! Как повторяла абыстай, какой прок от этих шайтанских знаний? Уехала бы скорей к себе в Москву и родила бы здоровенького ребеночка». Такие мысли были у меня в голове, но вслух произнести я этого не могла. Даже если во мне и присутствовал дух противоречия, всё же я любила эту женщину! И это была не просто любовь, мы с ней были связаны невидимыми нитями...

После занятия Сурия-апа, прихватив плетеную корзину, отправилась в лес. Она жила по заранее составленному расписанию, каждый час у нее был распланирован.

Абыстай уговорила меня остаться выпить чаю.

— Ох, как бы наша невестка где-нибудь в лесу не родила. Она все лето бегала по лесу, ягоды собирала, всё вон в том холодильнике. Говорит, что если заморозить, то все витамины сохраняются.

— Почему она у вас так долго живет? — спросила я.

— Муж за границей по работе, пока не отпускают, говорит. Да и сама она по столице не сильно скучает. Хочу, говорит, ребенка родить, как в старые времена, ищет бабку-повитуху. Сейчас молодые мамы повально стремятся лечь в роддом, а в наше время женщина рожала у себя дома. Кровь с пупка капала на благословенную землю, вот потому дети и были здоровы. А больницу никак не назовешь благословенным местом. Ты кушай блинчики, не забывай в мед макать!

Абыстай любила поворчать, а Сурия-апа была немного беспокойная, но всё равно мне с обеими было хорошо. Да и с бабушкой Минзифой у нас наладилась отношения, она извинилась передо мной за то, что сказала, что у меня «не все дома». Только в школу ноги не хотели идти, даже по приказу... Мои одноклассники при встрече обнимались и пожимали друг другу руки, а я стояла в сторонке, как колючка — по мне было видно: попробуй тронь, сразу уколю!

Видимо, в этом году на мне поставили крест. Классная руководительница сказала:

— Опять будем из-за тебя в самом хвосте по успеваемости. Зачем тебе среднее образование, ты же учишься у своей абыстай.

Я ничего не ответила. Спорить бесполезно, всё равно тот прав, у кого больше прав. Первым уроком был ее предмет — химия. Учительница

Рисунок Вилены Муллагиловой

написала на доске задания и каждому ученику раздала по чистому листку бумаги, только на мою парту ничего не положила.

— Твоих мозгов все равно не хватит, чтобы это выполнить, — сказала она мне с насмешкой.

Я молча достала тетрадку и, вырвав из нее листок, быстренько сделала все задания. Мы с Сурией-апа прошли похожие еще в прошлом году. Надеюсь получить похвалу от учительницы, но, когда я протянула ей свой листок, она взглянула на меня как прокурор:

— А ну, отвечай, у кого списала!

Нет, я не стала доказывать, что написала сама. Не стала объяснять, что занималась с репетитором, у меня просто язык отнялся, я ничего не смогла произнести... Хотя меня и называли «дикаркой», я любила людей. Даже с классной руководительницей, которая меня всегда отчитывала, я старалась наладить отношения, надеясь, что в один прекрасный день она меня похвалит и скажет: «Наша Гашура сегодня молодец!». Возможно, она бы изменила мнение обо мне в хорошую сторону, но тут я сама все испортила. Когда проводили опыт с колбами, я исправил допущенную ею ошибку. Ох, как она тяжело это перенесла! С нескрываемой злостью в голосе велела:

— Исламова, не сиди тут как бельмо на глазу, пересядь на заднюю парту, чтобы я тебя не видела!..

Говорю сразу: четверть я закончила на одних пятерках. При этом я не прикладывала ни капли усилий, чтобы их получить. Родители не знали, что и подумать: «Видно, учительница из жалости поставила». Классная сделала вывод: «С кого-то втихаря списывает». Если бы они только знали, что эти отметки для меня ровным счетом ничего не значили.

Однажды поздним осенним вечером у Сурии-апа начались роды. Бежать в соседнюю деревню за бабушкой-повитухой не было возможности, дождь не просто лил, а стоял как сплошная стена между небом и землей.

– Дитя мое, будешь мне помогать, – велела абыстай. – Ничего не поделаешь, всё в руках Аллаха.

На рассвете молодая женщина родила девочку. Мое ухо ласкал чей-то сладкий, как мёд, голос. Это же ангелы! Мои руки быстро делали то, что приказывала абыстай, а душа слушала звуки молитвы, к которой присоединялся плач малышки.

– Вот, дитя мое, держи, – с этими словами моя наставница передала в руки мне маленький сверток. – Как только уберем место, где она лежит, сразу отдай невестке покормить.

Сурия-апа быстро очнулась. Сразу протянула руки к ребенку.

– Давай сюда, Гашура. Ну, кто тут акушерка? У меня в шкафу лежит приготовленный подарок.

Абыстай вся сияла от радости от рождения внучки.

– Гашура у нас была бабушкой-повитухой, я ей показывала, она всё делала. Субханалла, рука у нее легкая, как у доктора. Слава Всевышнему, теперь я спокойно могу умереть, есть у меня надежная замена.

Это я-то повитуха? В моем-то возрасте? *(по-татарски «акушерка», «повитуха» звучит как «бабушка-повитуха», т.к. этим занимались женщины старшего возраста – прим. переводчика)*. Бессонная ночь давала о себе знать, хотелось спать. Ох, завтра в школу опоздаю.

Классная руководительница снова съязвила:

– Я уже начала радоваться, что ты учебу бросила, а ты снова пришла?

А я летала как на крыльях. Ведь я помогла родиться на свет новому человеку! Почему-то захотелось поделиться радостью с этой женщиной с вечно раздраженным лицом:

– Знаете, я ведь вчера впервые принимала роды!

Класс залился смехом.

– Ну, Исламова, до такой степени нельзя же умом тронуться! – сказала учительница, тоже рассмеявшись.

Неугомонная Сурия-апа недолго оставалась в постели, она начала готовиться к обряду наречения имени. По ее просьбе в дом муллы отвели и зарезали овцу в подарок.

– Заонил из Америки наш папа, – со счастливой улыбкой сообщила она. – Придумал имя нашей дочке – Анжела.

– Но у татар нет такого имени, – возразила я. – Оно же иностранное...

– Смотри, Гашура, рассердишь нашу абыстай. Когда по-татарски будем говорить, то пусть будет Анзиля. Тебе от меня огромное спасибо, Гашура! Послушай, а не пойти ли тебе на врача учиться? Мне кажется, у тебя к этому есть склонность.

Предложение Сурии-апа меня несколько не волновало. Мысли мои были и близко, и в то же время далеко...

5

Всё рано или поздно заканчивается – вот и Сурия-апа вернулась к себе в Москву. Когда просталась с ней, душа вся изнылась. Я настолько привязалась к ней, что она стала мне ближе родственников. Три дня перед отъездом моя учительница давала наставления:

– Как бы далеко я ни уехала, хоть на край света, мы с тобой можем связаться через Интернет, так что учись! Занятия мы продолжим. Если не будешь меня слушаться, Гашура, я на тебя обижусь. А обида – вещь опасная, сама знаешь.

Немного странно, что городская невестка, гостившая в доме муллы, толком не знавшая разницы между словами «хэлэл» и «хэрэм» (*первое слово означает «дозволенный, разрешенный», а второе «запрещенный» – прим. переводчика*), никогда не включала компьютер, не сказала «бисмилла». Я думала, может, поэтому она хорошо разбиралась в компьютере? Что касается абыстай, которая всеми силами хотела отвадить меня от учебы в школе, Сурия-апа взяла с нее слово:

– Мама, Гашура пусть к тебе каждый день не ходит. Она теперь с компьютером подружилась, будем с ней заниматься.

Абыстай, конечно, ничего не стоило нарушить слово, но ведь невестка обещала ей через день присылать фото любимой внученьки Анзили и еще обещала разговаривать по Скайпу — всё это заставило её согласиться. Но стоило мне переступить порог её дома, как абыстай намертво прилипла ко мне:

— Ну-ка, открой мне эту штуку, хочу посмотреть фото моей Анзили, — просила она и потом часами могла сидеть и смотреть на внучку.

А мне приходилось тяжело — хоть на пять частей разорвись! Кроме школьных уроков, Сурия-апа присылала горы разных заданий, а чтобы их сделать, надо копаться в Интернете... В последнее время жизнь текла как вода сквозь пальцы. «Когда погружаешься в мирскую суету, у человека времени остается всё меньше», — так говорила моя наставница. Вот и у меня так: сижу за столом, а меня не видно из-за горы книжек и тетрадок, которые громоздятся на столе... Заставляю себя заниматься, боюсь, что Сурия-апа на меня обидится, ведь она искренне волнуется за меня. Кто знает, может, она мне послана Аллахом, и ее добрые намерения и переживания — тоже дело рук Всевышнего?..

Если скажу, что во второй четверти тоже не подвела свою учительницу, то это будет неправдой. Чтобы не подвести, надо было пролить семь потов, а я уже привыкла получать свои четверки просто так, не занимаясь. Пятерки мне не ставили, пятерки предназначены были для Шамиля, учителя изо всех сил тянули его на золотую медаль.

Однажды классная его легонько пожурела:

— Что-то, братец, ты стараться перестал. Мы уж тут пытаемся тебя вытянуть на медаль, ставим только пятерки. Но сам почему не стараешься? Вон посмотри на Исламову, хоть и считается тупой, а ведь у нее в контрольных все ответы верные и диктанты без ошибок.

— Так ей же потусторонние силы помогают! — захихикал Шамиль.

— Тебе, дорогой, надо стать серьезнее. Нет никаких потусторонних сил! Я знаю, вы нарочно даете Исламовой списывать, чтобы над учителем посмеяться! А ей что — хоть в лоб, хоть по лбу — без разницы, ей в вуз поступать не надо. А ты должен непременно медаль получить, с ней ты пройдешь в вуз безо всякого конкурса.

Когда нас отпустили на каникулы, я вернулась в свою Фуму без вещей, размахивая руками. И компьютер, который абыстай называла «коробкой», и другие вещи остались в Салкын Чишме. Надоело все время таскаться с котомками, захотелось вольно шагать, расправив плечи и вдыхая воздух родных полей. На душе царил мир и покой. Я торопилась к своему любимому месту. То поле, как и в прошлом году, засеяли озимой рожью. Субханалла, как хорошо взошли озимые, словно зеленый ковер раскинулся до горизонта! О, Аллах, благодарю тебя, могуществу твоему нет границ. От взгляда на эту красоту наворачивались слезы, а душа моя, соскучившаяся по свободе, казалось, превратилась в бабочку и полетела, кружась над полем! Летавшие над головой птицы вдруг словно застыли в небе. Спустились... Ангелы... Сердце забилось в груди. Чтобы проверить себя, стала повторять за ними аяты и суры, но не получалось — то ли язык запинался, то ли я заикалась. Что это такое, что? Может быть, чересчур увлекшись светскими знаниями, я отошла от молитв? То, что с языка ушло, то ушло и из памяти, так говорят. О Аллах, прости меня, глупую! Клянусь, школа, компьютер и книги не будут занимать важное место в моей жизни!

...Осень, как быстрая длинноногая девчонка, сделала три прыжка — и вот уже успела покрасить деревья желтой краской. «Терпи, дочка, последний год остался!» — с этими словами родители снова отвезли меня вместе в Салкын Чишме, забив погреб картошкой, а холодильник мясом.

Учебный год начался с неприятных неожиданностей. Объявили, что одиннадцатые классы будут в конце года сдавать ЕГЭ, мол, из Казани пришла такая весть. Экзамены будут проходить в райцентре, то есть в другой школе. Больше всех беспокоилась наша классная руководительница, ведь у нее был ученик, претендовавший на золотую медаль!

На каждом уроке она не уставала повторять: «Ребятки, занимайтесь день и ночь!», а «ребятки» пока не осознавали, какая угроза нависла над ними, надеялись, что как-нибудь справятся с помощью учителей. Лично у меня от этой новости ни одна ресница не дрогнула, потому что в душе я отказалась от этих мирских знаний. К школьным урокам относилась холодно, но с помощью Аллаха мои отметки не стали хуже.

В середине зимы в классе проводили опрос — кто где хочет учиться, какую профессию выбрать? У меня была полная ясность: вместе с абыстай я собиралась преподавать в медресе основы религии. А мои одноклассники по очереди оживленно рассказывали о своих мечтах: один хотел стать юристом, другой бухгалтером. Третий...

Мой бывший сосед по парте, Шамиль, встал и гордо выпятив грудь, заявил:

— Я точно пойду в медуниверситет. А после окончания стану главврачом в психушке и пристрою к себе нашу Гашуру и дам ей отдельную палату!

Этой злой шутке мои одноклассники громко рассмеялись, а со мной случилось что-то непонятное!словно дубиной по голове огрели, я даже покачнулась. Перед глазами поплыли темные круги, а по щекам не переставая катились слезы. Казалось, они выходят из самой глубины души... Потом эти слезы комком боли осели в моем сердце. Я сама себя не узнавала, ведь раньше насмешки одноклассников меня не задевали...

После школы я сразу пошла к абыстай. Включила компьютер, к которому дала слово не притрагиваться. На почте у меня лежала куча сообщений от Сурии-апа с заданиями, которые она посылала всё лето. Абыстай с муллой в гостях, старушка-охранница Халида-апа спит, мне никто не мешает.

Горькая обида словно перевернула мне всю душу: не смыкая глаз я занималась всю ночь. Книги с молитвами грустно лежали в сторонке. Не дошла до них очередь и на следующий день, занятия отнимали все мое время, а заданиям Сурии-апа которые она присылала по электронной почте, казалось, не видно конца. А я просила еще и еще.

Так прошли недели и месяцы, в течение которых я, согнувшись, сидела за компьютером. Абыстай, сраженная переменами во мне, только все время шептала: «Астагфирулла, астагфирулла». Но не было силы, которая могла бы меня сломить, по ее словам, я «поддалась искушению шайтана»!

Для сдачи ЕГЭ наш класс возили в райцентр на автобусе. Я по всем выбранным предметам набрала высший балл, что позволило мне посту-

пить в медицинский университет. Это было то, о чем мечтала Сурия-апа. Что касается Шамиля, то он на первом же экзамене получил двойку. Мне его было очень жаль. «Жизнь длинная, — сказала я ему, — если заболеешь, буду лечить тебя лучшими лекарствами». Домашние никак не ожидали такого поворота в моей жизни.

— Кажется, она у нас выздоровела, Акмал, — радовалась мама. — В медицинский вуз поступила...

— Голова работает, точно, — подтвердил отец.

«Ваша дочь никогда и не болела», — хотела я им сказать, но в горле будто ком стоял. Этот ком не прошёл и в поле, на моем секретном месте. Вот уже несколько дней не слышно голосов ангелов. Ах, кто бы знал, как тоскует по ним моя душа! Не сегодня-завтра уберут с поля всю рожь...

Однажды я взяла с собой в поле маму. В конце концов, она была единственным для меня близким человеком, который должен был мне поверить. Когда пришли на место, от моих слов маму словно громом поразило. Дрожащим голосом она призналась:

— Господи, я же как раз здесь тебя родила. Ночью!

— Знаю, — ответила я.

— Откуда знаешь? Я ведь не показывала тебе.

— Сюда ангелы спускаются, мама. Когда уеду в город учиться, ты приходи сюда. Пожалуйста, приходи! Уверена, что ты услышишь их голоса.

— О чем ты говоришь, дочка?

— Душой услышишь, мамочка! Сколько лет я тебя уговаривала делать намаз. Не откладывай, начни прямо сегодня! Учи аяты и суры из Корана, проси Аллаха о прозрении и духовном богатстве.

Мама, повернувшись в сторону Каабы, встала на колени. Тут я почувствовала, как тот ком обиды и боли словно вытек из меня, и на душе стало так легко, что я как будто взлетела! Запутавшись среди людей, я потеряла себя. Моё лицо — их лица, моё слово — их слова... Я сейчас не я, я сейчас с ними одно целое. А ангелы отдаляются от людей, отступившихся от веры, и не прощают того, кто прожил день без молитвы... ■

*Перевод с татарского
Фариды Ситдиковой*

Рамис Аймет

«ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ...»

1. Весть

В это утро
откуда-то свыше
зазвонил телефон еле слышно
и, вокруг шеи обвившись, шепнул:
«Сердце встало... он умер... уснул...»

На плечо повалилась мне трубка,
простонав так печально и трудно
и обняв меня в смертной тоске...
Только кровь застучала в виске.

Я ли это? Иль тень обелиска?
Ноги почву утратили. Низко
я скользнул, как ребёнок в траву.
То ль во сне это, то ль наяву?..

Время сбилось. Замедлили стрелки.
Скачут мысли, как в панике белки.
В чреве ночи замедлил ответ,
и рождается в муках рассвет.

Он уснул или умер?..
Как осы,
мозг мой жалят тревогой вопросы.
И важней всех ответов нужны
для меня – островки тишины...

2. Прощание

Пёс скулил, угол дома терзая,
вырываясь на волю из пут...
В жизнь вторгается горе внезапно,
лишь само зная тайный маршрут.

Ну, а мы – горе в боли узнаем.
(От него нас избавит лишь смерть.)
К нам войдёт оно, будто хозяин,
сядет в красном углу посидеть.

Тишина, распахнув свои очи,
тяжело переступит крыльцо.
Ну, а зеркало в близости ночи
в ткань упрячет со страху лицо.

Треснут брёвна – точь-в-точь от мороза,
будто стужа явилась домой.
И, размазав текущие слёзы,
зарыдает в углу домовой.

Кто утешит?..
Прощальную сурю
произносят в тоске старики.
Плачут все, причитая понуро,
бусы трогая пальцем руки.

Завывает в слезах пёс хозяйский,
не сводя с него плачущих глаз.
Как хотелось ему приласкаться,
попрощавшись в последний с ним раз!

Глядя в сторону Мекки с печалью,
пёс рыдает с мольбой на весь свет.
А во взгляде застыл отпечатком
лик хозяина – словно портрет...

3. Сад, посаженный тобой

Этот сад, что посажен тобою, –
он во сне мне явился на милость.
А вокруг – будто не голубое
льётся небо, а смерть затаилась.

Всё вокруг здесь тебя ожидает.
(Сколько мне тишину эту слушать?..)
Я смотрю – и с листочков читает
моё сердце во всём твою душу.

Мне священным любой уголок
предстаёт, как ребёнок в пелёнках.
На тропинках твой вижу следочек,
словно льдом весь укутанный тонким.

«Почему же один ты?» – мне ветер шепчет в душу, прохладною вея.
(Если б ты вдруг вернулся – соцветья тебе с лаской легли бы на шею.)

Разве осень уже?..
Сад стал тише,
от страдания молча пылая.
Но я верю, что ты возвратишься,
листья вишен вокруг расстилая...

Капли траура капают с веток,
орошая мир влажною пылью.
Встанешь утром – и будто с рассветом
смерть повсюду развесила
крылья.

4. Разговор с тоской

Вот и сюда добрался ты уже,
сил не найдя стерпеть свою печаль?
Как ангел смерти, ты в моей душе
хотел поставить чёрную печать.

Чего ж, скажи, хотел ты отыскать
в моём фантоме – чёрном, как зола?
Иль, как родник, остаться средь песка,
как в юрте сердца, где клубится мгла?

Оставь меня! Как призрак на пути,
не припадай, прошу, к стопам моим.
Забудь меня. Как жёлтый лист в степи,
в моих рассветах растворишь, как дым.

Сгори до пепла. Не тяни ладонь,
как луч в продутой холодом стране.
Твоё ль дыханье светит, как огонь,
в котором тлеет штора на окне?..

5. «До новой встречи...»

Родник журчит: «Его здесь больше нет!»
Вздыхает ветер: «Больше не вернётся!»
А я с мольбой ищу себе ответ,
кто даст его мне – ветер, небо, солнце?

Прошли, рыдая, небом облака:
«Вкус утешений – в прошлом остаётся».
И вспыхнул молний свет издалека:
«Кто ввысь ушёл – тот больше не вернётся!»

А я всё жду, прижавшись лбом к окну,
чтобы услышать гул желанной речи...

.....

.....

...И весть приходит, вечность обогнув:
«До новой встречи...»

НЕ УТИХАЙ!..

Не утихай,
не утихай, мой Дождь!
Коль ты утихнешь – душу бросит в дрожь.
Последний день падёт своим безмолвьем
на плечи мне, как только ты пройдёшь.

Не утихай!
Пусть Молнии коса –
располосует небо на полоски.
Куда ни глянешь – видно чудеса,
и этот дождь – то праведников слёзки.

Пусть сорок дней и столько же ночей
гудит потоп, смывая нечистоты.
Мир полон чудищ, монстров, палачей,
безбожников, предателей, сексотов...

Гуди, потоп!
Пусть совершится Рок,
воздав за кровь, за слёзы и за горе.
Что там за стук?.. Напрасно Ной-пророк
опять ковчег свой строит возле моря.

Напрасно ставит парус он, спеша,
ему не надо к Арарату мчаться.
Должна родиться – Новая Душа,
чтоб Новый Мир мог на Земле начаться...

ОТ-ЧУЖ-ДЁННОСТЬ

Я стал для близких – как ЧУЖак,
чьё место – только угол.
Мол, все чисты, а твой пиджак –
грязнее грязных пугал!

Они садятся за столом
и вторят, глядя ЧУЖдо:
мол, с переломанным крылом –
тебя замучат нужды.

Они ведут меня к черте,
шутя непринуждённо,
что, мол, в тщете и в нищете
жить лучше – отЧУЖдённо.

Как в ЧУЖедалней стороне,
живу один в квартире.
И стынет мир ЧУЖой во мне,
и ЧУЖдо мне в том мире.

Кругом – ЧУЖбина. Не могу
уснуть в ночи глубокой.
Душа застыла на лугу
пиЧУЖкой одинокой.

Видать, судьба идёт ко мне,
свершая путь окружный.
И, как жемЧУЖина на дне,
лежу, всем ненужный.

Пью отЧУЖдения вино,
спиваясь, как пьянЧУЖка.
Шепну в конце, словно в кино:
«Эх, коротка кольЧУЖка!..»

*Перевод с татарского
Николая Переяслова*

Рафкат Карами

СЛАДКАЯ РЯБИНА

Даниял вышел из троллейбуса и направился к музыкальной школе через сквер, обнесенный низеньким заборчиком из железной решетки. Он уже давно не бывал в этом сквере и вообще в центре города. Напоминаая о том, что на дворе сентябрь, печалились рябины с желтеющими листьями, которые кто-то посадил здесь, принудив стоять со склоненными головами. Немного согревают душу крупные красные кисти этих рябин, издали привлекающие к себе взгляд и поблескивающие, как жемчужины. Это был сильный контраст: деревья с пожухлыми листьями и яркие красные ягоды. «Интересно, – подумал Даниял, – ведь и у людей так же. Человек стареет, становится слабым, сгорбливается, а его ягоды – дети – вот как эти рябиновые кисти, и он готов ради них на все. Потому что дети – радость семьи, опора, наши продолжатели».

И словно подтверждая эти его мысли, в сквере появилась пара – молодые мать и отец, катившие перед собой коляску, любующая на своего малыша, который был еще размером с куклу. Чужому человеку до этого ребенка и дела нет, а вот им... Да ведь и сам Даниял, бросив все свои дела и объект, которые нужно сегодня-завтра сдать, идет посреди дня в школу из-за своего ребенка.

Посреди сквера лицевой частью к большой улице стоит районная Доска почета. С одной ее сто-

роны большой плакат высотой с двухэтажный дом, а с другой – длинный ряд увеличенных портретов. Даниял нашел там свое фото только после долгих поисков, потому что после того, как эту Доску почета обновили, он еще ни разу ее не видел. Под каждым портретом были написаны имя, фамилия и место работы.

...Музыкальная школа располагалась на нижнем этаже четырехэтажного здания. Первый этаж был покрашен снаружи в зеленый цвет, но краска давно уже выцвела, а кое-где и облупилась. «Пора ремонтировать», – подумал Даниял. Проходя мимо больших окон, он услышал звуки музыки.

Даниял вошел внутрь. У дверей лежал коврик. Хочешь не хочешь, пришлось вытереть ботинки.

От самых дверей начинался ряд стульев вдоль стены, на которых сидели женщины. Одна что-то вязала из белых ниток, две другие о чем-то беседовали, за ними была старушка, которая, услышав стук дверей, с трудом разлепила свои сонные веки и посмотрела на вошедшего.

Напротив, у другой стены, тоже стояли стулья, и там сидели женщины. Даниял еще не знал, что все они приводят своих любимых детишек учиться музыке и надеются, что из тех вырастут новые Чайковские и Рахманиновы, и что ему или его жене придется вот также проводить здесь часы, на этих самых стульях.

Увидев свое отражение в зеркале, повешенном на каменную колонну в фойе, Даниял почувствовал некоторую неловкость, потому что на нем была зеленая рабочая куртка с эмблемой на рукаве — значком подъемного крана. Конечно, внутри была светлая рубашка и даже галстук повязан, но здесь, рядом с пахнущими дорогими духами и одетыми в красивую одежду и накрашенными женщинами, он почувствовал себя словно кирзовый сапог, нечаянно попавший на полку, где стояли изящные туфли.

У двери с надписью «Директор» сидела деловая старушка в белом платке и синем халате.

— Вам кого? — спросила она, смерив чужака подозрительным взглядом.

Даниял невольно опустил вниз глаза, чтобы посмотреть, не грязные ли у него ботинки. И только потом ответил:

— Директора.

— Ждите. Скоро подойдет.

— А примерно...

Старушка-вахтерша, повернув голову, взглянула на круглые часы над дверью:

— Кто же ее знает. Сказала, сейчас придут...

Даниял, стоявший посреди длинного узкого коридора, огляделся. Вахтерша поняла, что он ищет.

— Вон, садись.

— Спасибо.

Даниял обнаружив, что один из стульев около гардероба свободен, протиснулся туда и сел на него. Некоторое время он разглядывал рельефные узоры на потолке, объявления на стенах, афиши... За стеклами маленьких шкафов лежали листы, на которых были отпечатаны слова песен с нотами. Рядом со шкафами стоял стол. Двое детей что-то переписывали там, то поднимая, то опуская головы. То и дело открывались двери, по одному заходили ученики, и подвижные железные вешалки для одежды позади Данияла издавали скрипучие звуки. Женщины тихонечко переговаривались. Было невозможно понять, что именно они говорили, потому что с разных сторон доносились звуки музыки. словно продолжая эстафету, их сменил громкий рояль. Чуть позже вступили оркестровые скрипки и еще какие-то инструменты, названий которых Даниял не знал.

Человеку, который проводил все свои дни на стройке и слышал урчание грузовиков и тракторов, гудение бетономешалки и стук топоров и

молотков, эти мелодии вначале показались странными. Ему показалось, что он пришел вечером на концерт и в ожидании начала слышит, как музыканты настраивают перед выступлением свои инструменты. Потихонечку ноги Данияла, уставшие от беготни, и все его тело охватило чувство тепла и спокойного блаженства. словно и музыка, и он сам растворились и исчезли...

Спустя некоторое время, кто-то тихонечко потряс его за плечо, и он открыл глаза.

— Директор пришла, — сказала старушка-вахтерша, кивнув на кабинет и проворно переставляя свои теплые чуньки, направилась на свое место — у маленького шкафчика с ключами от кабинетов.

Даниял легко поднял свое отяжелевшее было тело. Провел ладонью по лицу, словно прогоняя сон, подошел к белой двери и, дважды постучав, вошел внутрь.

— Здравствуйте.

За столом в красном углу восседала полная женщина с тремя подбородками.

— Здравствуйте. Я вас слушаю.

— Я пришел по такому вопросу, — пояснил Даниял и, стараясь не наступать на роскошный ковер, лежащий на полу, присел на краешек того стула, на который указала директор. — У меня есть сын. Его мать предложила начать водить его на музыку, но он не смог поступить, сдал экзамен на тройку.

— На будущий год попытаете счастья еще раз. В этом году учеба уже началась.

— Я знаю. Но...

— Мест нет. Вот только что вернулась от наших шефов — с завода, ходила к директору. Он тоже с просьбой: нужно устроить в школу дочь его шофера. Но и для него мест нет. Ходить бесполезно.

В этот момент зазвонил телефон. Директор взяла трубку и начала с кем-то беседовать.

— Добрый день. Да, приходил. Да. Хорошо. Если уж очень просите...

Беседа затянулась надолго. Просидев так несколько минут, глядя на старое черное пианино и книжный шкаф у двери, Даниял тихонечко поднялся и аккуратно вышел, не наступив на ковер. Как только он закрыл дверь, со всех сторон, словно насмехаясь над ним, понеслись звуки — играли разные музыкальные инструменты — высокие и низкие, и красиво, и совсем неумело.

Он не особо расстроился и не повесил голову. «Ни среди моих родственников, ни среди родственников жены нет никого, кто занимался бы музыкой. Даже на тальянке что-нибудь сбачать никто не мог. А если так, то как может из пацана получиться музыкант? От одного материнского хотения не сможет он стать вторым Сайдашевым». Эти мысли принесли ему успокоение, и он, даже особо не удивляясь, что его сыну не досталось места в музыкальной школе, шел по чистому тротуару размеренными шагами. Но, прошагав так некоторое время, он вдруг ни с того ни с сего начал ощущать раздражение, словно его подзуживал изнутри какой-то бес. «Ну, а кому плохо, если он походит на занятия? Научится, они ведь по нотам играют. А может быть, со временем из него получится прекрасный музыкант?! И даже если нет, пусть не в концертном зале, так для себя играет, для нас».

Внезапно Даниял вспомнил, как много лет тому назад, еще когда учился в техникуме, был влюблен в одну свою однокурсницу. Она была казанская и очень красиво играла на пианино, глядя в ноты. Конечно уж, для деревенского парнишки в небогатой одежке она была недостижимой мечтой. Еще долго Даниялу снилось, как эта девушка, рассыпав по плечам темно-русые волосы, качала головой в такт мелодии, ее длинные изящные пальцы перебирали черно-белые клавиши, рождая волшебные звуки, напоминавшие чистое журчание весеннего ручья. Женившись, Даниял позабыл о ней. Непрерывная стройка, вечная суета заставили его позабыть очень многое. И вот только сейчас, когда жена послала его в музыкальную школу договориться насчет сына, в его душе ожили, казалось, давно уже погасшие картины, он явственно вспомнил ту девушку и стал представлять своего сына, играющим на каком-нибудь музыкальном инструменте. «Но ведь и это может остаться лишь несбывшейся мечтой!» — подумал он чистосердечно.

Он снова вошел в сквер. Когда его взгляд упал на собственную радостную фотографию (он тогда улыбнулся по велению фотографа), Даниял ускорил шаг. В эту минуту ему совсем не хотелось улыбаться. Проходя мимо склоненных рябин, он не удержался и сорвал красную гроздь. Переходя дорогу, выплюнул две красные ягоды на трамвайные пути. Они были сладковатыми. А в лесу у рябин, которые растут свободно, ягоды бывают горькими.

Рисунки Вилены Муллагиловой

Прошла неделя. Даниял снова шел к музыкальной школе через сквер, в котором также понуро стояли низенькие рябинки с пресными, сладковатыми ягодами и висела его сияющая физиономия.

У директора музыкальной школы, видимо, хорошая память — на этот раз она встретила его как знакомого.

— Снова пришли?

— Да.

— Так мест-то нет.

— Я понимаю.

— И зачем пришли, раз понимаете?

— Так ведь жена... Покоя мне не дает. Говорит, скажи, что ты старший прораб — в этом мире нет ни одного человека, которому не понадобились бы услуги строителя. Вот я и пришел.

Директор замерла, и несколько мгновений сидела не шелохнувшись. Она задумалась, глядя перед собой, словно гений, который собирается сделать важное для всего мира открытие, и только ее пальцы, на одном из которых красовалось золотое кольцо с красным камнем, барабанили по столу.

— Увы, нет, — сказала она, наконец. — Думала, не получится ли сделать кое-что, но нет, не получится.

Даниял встал и попрощался. Когда он взялся за дверную ручку, услышал позади вкрадчивый голос:

— Попробуйте подойти через неделю. Обещать не могу, но все же... до свидания.

Проходя через сквер, Даниял снова посмотрел на свою фотографию. Все остальные были очень серьезны, и только его физиономия сияла — на-

верное, поэтому Даниял с отвращением отвернулся и чуть не налетел на собаку размером с теленка.

Собака, играя, носилась туда сюда по асфальтовой дорожке сквера. «Счастливый ты, дружок! Нет у тебя никаких забот. И тебе не нужно учить музыку своего любимого детеныша. А вот мне нужно. Конечно, это нужно больше его матери. Потому что ее ребенок не хуже других, пусть и он ходит. Если бы взяли, ходил бы, но вот не берут. Учеба началась, учеников — полный комплект. О чем раньше думала эта женщина.» Даниял чуть не выругался. Вовремя вспомнил, что он не на своей строительной площадке, а в центре города, в сквере, где гуляют люди и висит почетная доска.

Он направился к автобусной остановке. На встречу ему попала маленькая девчушка со скрипкой. Футляр скрипки почти касался земли, а в другой руке у юной скрипачки был цветастый полиэтиленовый пакет с нотными тетрадями. «Счастливая дочь счастливых родителей, будущая Паганини, — горько усмехнулся Даниял, припомнив имя знаменитого скрипача, когда-то случайно залетевшее в ухо. — А мой кем будет? Прорабом? Ну и что? Чем там надрываться, лучше выучу его на шофера. Пусть возит какого-нибудь начальника».

Даниял пошел на работу. Срывался по делу и без дела, ни за что обругал мастеров, а когда рабочий день закончился, сам же предложил им выпить и сел вместе с ними. Домой явился поздно, и, не дав жене сказать ни слова, заявил:

— Больше не пойду! Хватит!

Жена пропустила это мимо ушей.

— Сказал, что ты на стройке работаешь?

— Да.

— Раз так, она такую возможность не упустить.

Специально тебя хочет заставить походить.

— Смеешься? Я что тебе, марионетка? Играешь мною...

— Нет, это не я! Это она играет с тобой, как кошка с мышкой. Ведь и кошка, когда мышку поймает, не ест ее сразу, а сначала с ней забавляется, наслаждается своей властью, только потом уж... Помнишь, как директор мебельного магазина заставил нас побегать, когда мы хотели купить гарнитур?

Даниял только рукой махнул. Но он понимал, что от такой прилипалы, как его жена, просто так не отделаешься. И не ошибся. Когда Даниял направлялся в ванную, она зацепила его рукав и потянула, желая его остановить. Не добившись

успеха, она продолжала гудеть, как овод, у него над ухом, пока он мылся:

— Тряпка! Не спи! Будь человеком! Будь похитрее! Найди способ. Ходи. Не отставай от нее...

Даниял открыл кран на полную. Вода зашумела, полилась мощной струей, но даже так до него долетали обрывки жениных слов:

— Сделай что-нибудь... Плитку ей в ванной положи!.. Если ей ничего не надо, тогда перед дверями школы положи паркет!

— Может, линолеум сойдет?

— Да мне какая разница! Хоть фанеру положи, если хочешь! Дачу ей обшей!.. Баню построй!

...В тот день в музыкальную школу привезли новые пианино. Директор, непрерывно принося свои извинения, заставила Данияла помочь их переносить. Сама носила свое полное тело из комнаты в коридор, из коридора в комнату и командовала выносить старые и вносить новые, а Даниял с завхозом, чьи лбы уже покрылись бисеринками пота, послушно выполняли ее указания, с трудом передвигая ноги, как машина, увязшая в грязи. Завхоз потел от тяжелой работы, а Даниял — от стыда и оскорбленного самолюбия. Он не осмеливался поднять голову, чтобы за этой грязной работой случайно не встретить взглядом какого-нибудь своего друга, знакомого или подчиненного. Когда простились, директор сказала, приторно улыбувшись:

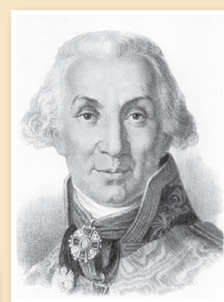
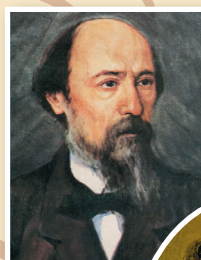
— И я для вас постараюсь. Конечно, мест нет. Вот только что пришла новая девочка из другой школы, они поменяли квартиру. Но не теряйте надежды, изыщем какую-нибудь возможность. На следующей неделе приходите вместе с сыном.

Победив свою гордость и собрав всю волю в кулак, Даниял снова и снова ходил в школу. После долгих стараний и нескольких обещаний он все-таки устроил сына учиться. Одной ногой вошел в коридор школы. Кто-то от таких успехов воспарил бы душой к облакам, возвращался бы домой с песнями. Но ему это не принесло радости. Наоборот, все это породило в его душе ненависть, и не только к себе самому, но даже к его маленькому сыну.

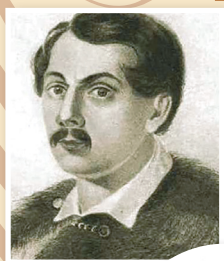
Даниял медленно шел по знакомому скверу, потом остановился и стал смотреть на рябины со сладкими ягодами... А потом сел на скамейку за этими деревцами и, не сумев справиться с горечью, закрыл лицо руками... ■

Перевод с татарского Алены Каримовой.

► Абдулла Дубин

БОГОМ ЕДИНЫМ ВЕДОМЫЕ... Коранические мотивы в русской поэзии

Как временем всеобщего и полного осознания единобожия (монотеизм) на всей нашей планете станет конец нынешнего века (1999 г.), так восемнадцатое столетие – эпоха Екатерины – и было началом пробуждения, понимания, достойного внимания к Исламу. Эпоха великой императрицы, присоединившей Крым и повелевшей перевести Коран на русский язык, эпоха вольтерьянства и просвещенного абсолютизма, первых попыток государственной веротерпимости.

Всемогущий дух Корана порой окрылял самых великих русских поэтов. Пушкин создавал вдохновенные «Подражания Корану» и сочинял «Бахчисарайский фонтан»; писались лермонтовские стихи и поэмы, проникнутые исламским фатализмом; жил видениями арабской пустыни Фет; славил Пророка Полонский; превращался в неистового мусульманского паломника Бунин; влюбленно воспевал страны Ислама Гумилев. Появлялись новые ноты.

Первым русским поэтом, который заговорил об Исламе уважительно, был наш великий земляк Гавриил Романович Державин (1733-1816), гордившийся происхождением от золотоордынского мурзы Абрагима-Ибрагима и проведший детство в Казани. Трогательны его поздние стихи о Казанской губернии:

*О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей*

*И твой по-прежнему всегдашний буду житель?
Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?
Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.*

С младенчества в сознании одного из русских поэтов сроднились русское христианское и татарское мусульманское бытие. И недаром автор «Видения мурзы» обещал Екатерине:

*Татарски песни из-под спуда,
Как луч, потомству сообщу.*

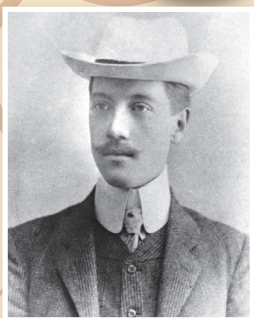
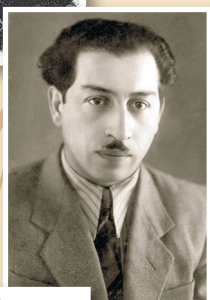
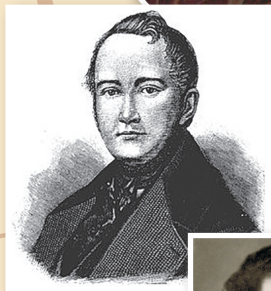
Екатерина II стремилась предстать в глазах Европы мудрой попечительницей народов, мягкосердечной просветительницей всех своих подданных, в том числе и мусульман. Екатерине вольно было облачиться в восточный наряд Фелицы. Державин принял «правила игры» и в своей Оде обращается к восточной властительнице:

*Прошу великого Пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслажусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.*

В пору сентиментализма и раннего романтизма русская поэзия была открыта для иностранных влияний, росла культура перевода. Переводились, между прочим, и восточная классика, и произведения европейских поэтов, увлеченных Востоком. Нельзя не выделить «Ибрагим» – вдохновенный перевод Александра Востокова (1781-1864) на сочинения немецкого поэта Готтлиба Конрада Пцефеля. Эмир Ибрагим, старец-мусульманин, верный долгу, избражен в этой романтической балладе героем и назван «другом Творца вселенной».

Вольный перевод Василия Жуковского из французского лирика Шарля Мильвуа оставил свой след в русской поэзии. «Песня араба над могилою коня» переведена стихом энергичным, порывистым, переменчивым, как конский бег, заставлявшим вспомнить скакунов из сотой суры, «нападающих на заре» и «высекающих искры из-под копыт».

В переводе двух выдающихся русских поэтов – Василия Жуковского и Константина Батюшкова (1787-1852) – существует басня Лафонтена «Сон могильца». В басне живо описан мусульманский рай, где пребывает визирь, живший честно и любивший уедине-

ние; затем мы видим и мусульманский ад, в котором обретается «пустынник», тот, что «на поклон таскался к визирям».

Из оригинальных произведений русских поэтов-романтиков можно назвать стихотворную повесть «Павла Катенина» (1792-1853) «Гнездо голубки». Катенин сочинил жестокую притчу о цене жизни, воспел времена, когда «Ангел Божий сам беседу с Пророком вел через голубку» и «Вождь Амру, десница халифа Омара, вихрем набег на блаженную землю Египта. Новое благо он нес ей – новую веру в Бога единого и Магомета Пророка».

Был притянут магнитом Востока, увлечен Исламом погибший в Тегеране Александр Грибоедов (1795-1829). Создатель «Горя от ума» знал восточные языки и незаметно вставил свой перевод из Саади в бессмертную комедию. Его знаменитое стихотворение «Хищники на Чегеме» могло бы показаться язвительным антимульманским выпадом, но надо иметь в виду, что «Кадиев, людей Божьих» поэт уличал в измене тому, чему они учат, в нарушении ими же заповедного святого закона.

Поэт Михаил Муравьев (1757-1807), отец братьев-декабристов, хотел бы «из Твери убежать туда, где тишина не знает грозной бури, где под вечер при пении подруг на мураве младая пляшет гури и зрителей обворождает круг». Был обворожен теми же чарами и Петр Вяземский (1792-1878).

Время Пушкина – цветение русской словесности. В пушкинском творчестве она богата «всемерной отзывчивостью», чудесным даром перевоплощения, готова мощно ответить на сильный зов иных культур, народов, верований, в том числе Ислама.

В годы южной ссылки Александр Пушкин соприкоснулся с жизнью черкесов, крымских татар, арнаутов, с бытом мусульман, населявших окраины, сравнительно недавно присоединенные к империи.

В Михайловском, в имении, окруженном сосновыми лесами и заметенном ноябрьскими снегами, поэт создаёт цикл стихотворений, ставших одним из самых удивительных и совершенных его творений: «Подражание Корану». Это были именно подражания, вольные переложения, а не переводы. В этой работе ощутило присутствие образов Великой книги Ислама, воздействие и духа, и буквы Корана, который Пушкин узнал в русском переводе М. Веревкина (издание 1795 года). Мощное давление откровений, содержащихся в Коране, давление всей книги в целом и отдельных сур. По замечанию Пушкина, «многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом». Девять стихотворений Пушкина, составивших этот цикл, принадлежат к шедеврам поэзии.

Каждое слово значительно, как небесное откровение и пророческий глагол. К примеру, строки из стихотворения, навеянного сурой «слепой». Здесь русского поэта охватило неистовое вдохновение:

Но дважды ангел вострубит;

На землю гром небесный грянет:

*И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.*

«...Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее?» – вопрошал своих слушателей на пушкинском юбилее Федор Достоевский.

В зимнем Михайловском ссыльный Пушкин, очевидно, перечитывая суру «Пещера», все вновь вспоминает некую крымскую пещеру, полную «прохлады сумрачной и влажной». «Заточение» в глуши затянулось, кажется, навечно...

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.
Его таинственная сила*

.....
*Слова святые начертила
На нем безвестная рука.*

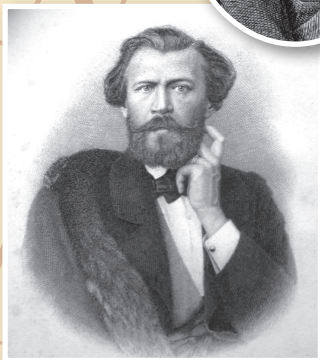
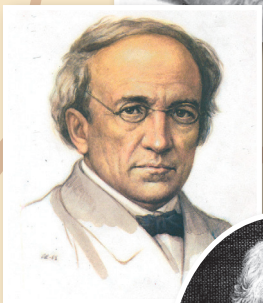
Мысль о мусульманском Востоке, отзвуки его поэзии живут еще во многих позднейших сочинениях Пушкина. Воспоминания о мятежной юности, проведенной в соседстве с «поклонниками Пророка», о годах духовного взросления, совпали в таких стихах, как «Талисман», с непрестанной думой о будущем, о роковой судьбе.

Особое место в творчестве зрелого Пушкина занимает небольшая поэма «Тазит», философский рассказ о горских нравах....

*Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.*

С воспетой воинственностью чеченцев, с непреклонностью жестокого обычая спорят сила кротости, жалости, милосердия... В 1829 году Пушкин участвует в закавказском походе русских войск, в русско-турецкой войне. Присутствие восточных, исламских мотивов в стихах, написанных во время «Путешествия в Арзрум», естественно. В лагере при Евфрате написано стихотворение «Из Газифа», явно имеющее непосредственный повод в повседневной жизни. Возникают прославленный «Делибаж», фантастическое видение с гор Саган-Лу, и неоконченное послание персидскому поэту Фазиль-хану, исполненное дружественности и любезности к гостю России...

Здесь Пушкин создает стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят», пронизанное патетикой Ислама, целеустремленного и нетерпимого, смиренного и неистового. Лучше вспомнить не вошедшие в основной, прекрасный в своей цельности текст замечательные черновые четверостишия:

*В нас ум владеет плотью дикой,
И покорен Корану ум,
И потому пророк великой
Хранит как око свой Арзрум.
Меж нами скрылся янычар,
Как между братьев любимых,
Что рек Алла: спасай гонимых,
Приход их – дому божий дар.*

Дни, проведенные на берегах Босфора и у подножия Балканского хребта, оставили глубокий след в творчестве Василия Туманского (1800-1860 гг.) – одного из талантливых поэтов, живших и творивших в одно время с Пушкиным.

Кипящая полнота восточной жизни, одновременно чувственной и целомудренной, будила романтическое воображение и вызывала такой восторг, что русский поэт восклицал: «О! Сколь Пророка благ закон».

Истинного восхищения перед Пророком мусульман исполнено стихотворение «Мухамед», принадлежащее перу другого пушкинского приятеля по южной ссылке Александра Вельтмана (1800-1870 гг.). В стихах этого поэта, прозаика, ученого прославляется «ветвь цветущая потомства Муталиба», но и, оставаясь всецело христианами, русские поэты-романтики сумели оценить открывшийся им мир Ислама как неисчерпаемый кладезь вдохновения.

Почерпнутое из этого источника слилось потоком молодой российской лирики; образы духовного подвига паломников в Мекку и Медину стали вдруг уместными в русской духовной поэзии. И появились такие стихотворения, как, например, послание Александра Шишкова (1799-1833) к Ф. Глинке. Все это произведение являет собой одно развернутое сравнение духовного пути русских поэтов дорогой к святыням Ислама «по раскаленному песку». В другом стихотворении Шишкова «Осман» создан романтический портрет обреченного героя, мусульманского воителя.

Восточная тема, мощно прозвучавшая в стихах и поэмах Пушкина, была подхвачена его учениками и современниками. В журналах и альманахах появились «Иран» Лукьяна Якубовича (1805-1839), «Персидский вечер» Платона Оболювского (1805-1864), «Песнь дервиша» и «Бахчисарай» Андрея Муравьева (1805-1874), «День азиатца» Ефима Зайцевского (1801-1860).

Нельзя не отметить небольшое стихотворение Федора Тютчева «Олегов щит», первые строфы которого исполнены исламской патетики:

*«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»*

Не прошли бесследно в русской поэзии попытки глубоко погрузиться в непривычный мир исламских религиозных представлений, что подтверждают поэма Андрея Подолинского (1806-1886) «Див и пери», его стихотворения «Портрет» и «Гурия» со знаменитым четверостишием:

*Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: гурия Пророка
С небес на землю сведена!*

В «исламской антологии» русских поэтов нельзя не привести такие стихотворения изощренного мастера Владимира Венедиктова (1807-1873), как «Калиф и раб» и «Письма Абдель Кадера».

Модный в свое время прозаик Александр Бестужев-Марлинский (1797-1837) ввел в ткань повести «Аммалат-бек» несколько «кабардинских песен».

Охотно путешествовавший по ущельям крымской яйлы и освоившийся с бытом тамошних татар Алексей Константинович Толстой (1817-1875) запечатлел эти приморские ущелья и этот вольный, неприхотливый быт в стихотворных «Крымских очерках».

Восточный орнамент присутствует и в юношеском стихотворении Николая Некрасова (1821-1877) «Турчанка», таком далеком по духу и тону от позднейших образцов некрасовской гражданской лирики.

Более значительно присутствие восточных, исламских мотивов в поэзии Якова Полонского (1819-1898).

Долгие, насыщенные событиями, решающие в жизни и, должно быть, определяющие в творчестве годы Полонский провел на юге России (два года – в Крыму и пять на Кавказе). Важное место в его лирике занял Тифлис – великий город, привыкший к извечной терпимости, многоплеменной, столь же мусульманский, сколь и христианский, замечательный смешением языков и нравов. «Тифлис для живописцев есть находка», – так сказал Полонский. Но причины тяготения к Востоку – не только биографические. Скорее, была некая предрасположенность души, предопределенность.

Ведь еще до основательного личного знакомства с жизнью Закавказья, с мусульманским бытом Полонский задумал большую драматическую поэму «Магомет». От этой незаконченной работы сохранился отрывок «Магомет перед омовением», который вошел в книги Полонского как самостоятельное произведение. В более поздних стихотворениях, в повестях и рассказах Яков Полонский еще не раз возвращался к воспоминаниям тифлисской юности, но именно ранний закавказский цикл стал событием в русской поэзии. Двенадцать стихотворений, составивших книгу «Сазандар» (1849), отозвались в творчестве последующих поэтических поколений, оказали огромное влияние и на ближайших современников, и на Бунина, Бальмонта, Блока...

Исламские мотивы, детали восточной жизни оживляют большинство стихотворений сборника. Эти вейня и подробности есть и в «Прогулке по Тифлису», и в «Татарской песне», и в «Татарке», и в «Караване», и в «Акбаре», и в прекрасном стихотворении «Старый сазанлар», давшем название книге. Особым и пылким чувством проникнуто стихотворение «Сатар», посвященное прославленному персидскому певцу. ■

Окончание в следующем номере.

► Радиф Кашапов

«Здесь будет все: перезжитое и то, чем я еще живу»

У любого явления, движения есть основа. В конце января творческое объединение «Калеп» показало спектакль с участием девяти авторов, обозначив их как представителей новой волны татарской поэзии. Это Эльнар Байназаров, Лейла Хабибуллина, Гелюся Шигапова, Азат Миргаязов, Гульзиля Гафурова, Гульназ Газизова, Алсу Салахова, Гузель Закирова, Эльвира Рафикова.

Отбрали их эксперты в формате открытого прослушивания в ноябре из 17 участников. Среди них поэты и писатели — Ильсияр Иксанова, Фаузия Байрамова, Галимзян Гильманов. Принципы тогда были жесткие — либо да, либо нет, и отказ двух оценщиков означал выбывание. При этом само мероприятие, конечно, не было гамбургским поединком. Однако если этих людей свел вместе случай и они смогли довести дело до конца, значит, стоит к ним присмотреться.

О деле. В январе на сцене Камаловского театра с режиссером Аминой Миндияровой поэты осмыслили свои душевные переживания, движение от депрессии через поиск к обновлению, вплетая свои стихи в театральные этюды, которые чередовались с видео- и музыкальными вставками, за что отвечали Эльмир Низамов, Ильяс Камал, Лейсан Абдуллина, Алсу Сунгатуллина, Миляуша Хайруллина и Дина Хакимова.

Само название проекта «Калеп. Новая волна» отсылает к другому мероприятию десятилетней давности на юбилее Зульфата, в котором участвовали Йолдыз Миннулина, Лилия Гибадуллина, Рузаль Мухамметшин, Эльвира Хадиева, Рузаль Ахмадеев и другие. Тогда критики назвали новой волной их.

Безусловно, читатель сразу начнет сравнивать поэтов, вышедших 19 января на сцену

Камаловского театра, с предшественниками, начиная с Тукая и Дэрмэнда, наделяя героев прошлого необходимыми идеальными чертами, отсекая их неудачи, конкретизируя их направление творчества. Зачастую такие спекуляции на тему делают самое дурное — отваживают от классиков читателей, закрывая доступ к полному архиву их сочинений и мешая получить собственное представление.

Поэтому нам важнее понять, что объединяет этих девятых, что разделяет, что вдохновляет и куда может завести. Не оценка качества поэзии, которую может дать только время (а оно беспощадно к любому герою, даже золоченому классику), а взгляд на само пространство, в котором их стихи слагаются.

Это поэты, появившиеся в эпоху социальных сетей. Если в русском слове до этого мы могли видеть первых звезд блогерской поэзии эпохи «Живого журнала», возвращенных на форумских баталиях и в поэтических слэмах, то здесь ситуация иная. У героев «Калеба» изначально широкая аудитория, выходящая далеко за пределы обычных посетителей вечеров изящного слова. У них есть паблики и группы, в которых стихи могут появиться сразу после сочинения, распространяться через перепосты, сопровождаться аудио, видеоизображением. Эти строчки — часть глобального контента, в котором они отчаянно конкурируют с совершен-

но разной информацией. Когда необязательно писать стихи. Можно просто повесить фото в Инстаграме. Или красиво оформить цитату. Выплеснуть эмоции в пространный пост.

Таким же образом влияет масса информации и на самих поэтов. Мы провели опрос и выяснили, что читают они, в основном, русскую классику, современную татарскую поэзию (как ее видят учебники) и собственных коллег по перу. Часть из них по старинке ходит в литобъединения (на «Калеп» значительная часть авторов пришла из института филологии и межкультурной коммуникации, из лито «Әллүки»), где могут общаться со старшими напрямую, так что очевидно и их влияние друг на друга.

Режиссер Амина Миндиярова поделила действие на три блока. В первом читались исключительно депрессивные стихи, что вызвало отторжение у старших коллег — мол, не должен поэт страдать, а должен писать о любви к родине, народу и критиковать окружающий мир, а личным переживаниям уделять минимум времени. Конечно же, даже короткий набег на библиотеку обнаружит, что ничто человеческое и старикам, и их современникам не было чуждо. Просто они сами пишут уже о другом. И, вероятно, для других.

А эта поэзия обращена, в первую очередь, в себя. В эпоху Фейсбука, когда любое высказывание может быть обмусолено, перевернуто и отвергнуто, есть запрос на стихи, которые повествуют о внутреннем состоянии. Это не эгоцентризм, это попытка разобраться во противоречиях разума и души — и лишь потом уже высказывать свое веское слово о прочем.

К тому же, в основном, это поэзия девичья, эмотивная, чувственная. Из девяти поэтов двое — молодые люди. И у них совершенно разные подходы к слову. Сравнение с Йолдыз Миннулиной, которая стала своего рода флагманом предыдущего поколения, уместно в отношении Эльнара Байназарова. Он так же наполняет стихи конкретными городскими образами: фанари, кафе, бордюр, метро, насыщая их мистическими откровениями:

*На стекле от ледяных капель
неутвержденные росчерки аятов —*

*бог тихо ходит, замечает,
в кафе, в тусклых глазах
ищет белого сына с отцовскими глазами.*

При этом само стихотворение посвящено попытке вернуть возлюбленную, но этот мотив проявляется не в четкой артикуляции мыслей, а именно в импрессионистских зарисовках, недоговоренности — Байназаров явно черпает вдохновение из иностранной поэзии довоенной эпохи и тогдашней живописи. И тут же в его текстах проскальзывает собрат такташевского развратного города — город лицемерный...

Вообще, гендерный перекос требует в будущем глубокого анализа, ведь татарская классика, в основном, состоит из поэтов-мужчин. И если, как и других, Алсу Салахову можно образно рифмовать, к примеру, с руководителем ее лито Халисой Ширман, но порой, когда она переходит к конкретике, она сближается, скажем, с Кадыйром Сибгатуллиным. Во втором блоке спектакля она прочитала самое понятное читателю стихотворение — о любовных перепалках:

*На одно слово — двадцать ответов,
на двадцать валится тридцать.
«Привет, привет, я парень майский!»
«Здравствуйте, а я девушка-огонь».
И горим!*

И тут же — тишайшее признание в любви через противопоставление эмоций и ощущений:

*Вдали от родных краев
тянет к себе, говорят, даже полынь.
Почему не я?
Ведь я не полынь, губы твои
не обожгу, клянусь, никогда!
Эх, почему не подснежников,
а полыни запах остается в памяти?!*

Интересен и отход в этой поэтической волне от иллюстративной, пейзажной лирики: упор идет на любовные и философские переживания. И это при том, что часть поэтов выросла в деревне. Редкое исключение в подборке — стихотворение Эльвиры Рафиковой «Каеннарым нигэ башын игэн» («Зачем березы склонили головы») с есенинско-такташевскими нотками:

*Зачем березы склонили головы?
Осень ли тому причиной?
Неожиданно мокрым снегом
покрыл листья иней. (...)
Березы мои, за ошибки
прошу прощения у вас.
Не оставьте меня без милости вашей,
перед вам склоняю голову я...*

Стремится передать свои чувства через пейзажные зарисовки Азат Миргаязов, который, как минимум, в глазах критика, стоит на плечах Сибгата Хакима и салютует Мударрису Аглямому: в его текстах автор становится наблюдателем и лишь иногда выходит на передний план. В стихотворении «Прощание» («Озату») нет ни намек на сам этот тяжелый процесс: здесь улетают в теплые края гуси, а автор словно бы переживает за их судьбу, с каждой строфой усиливая свою печаль.

*В одиночестве грустящее озеро
пришел я утешать своими мыслями.
Сжимая перья в слезах,
я ведь, милая моя, думал о тебе!*

После депрессии режиссер во второй части предложил поэтам подобрать тексты с поиском выхода, а затем — с разрешением ситуации. И это абсолютно точное обращение к читателю со схожим опытом. Если взять стихи Лейлы Хабибуллиной, чья естественная напевность и образная насыщенность роднит ее с Равилем Файзуллиным и Ильсиейр Иксановой, то во втором из своих стихотворений в спектакле она открыто обращается к умершему другу:

*Знаешь, дни без тебя тоскливы,
холод берет душу.
Навалилась и осталась лишь грусть —
а радость ушла в землю.*

Новую волну отличают новые источники вдохновения. В третьем стихотворении Хабибуллиной, если судить по ее паблику, точкой отчета стала цитата из фильма «Достучаться до небес»: «На небе только и разговоров, что о небе и закате». Она обыгрывает словосоче-

тание «синең күк» (твое небо — словно ты) и переосмысляет цитату в стихотворной форме:

*Такие, как ты,
каждую ночь видят тот же сон —
об этом море мечты.*

И тем самым она пытается примириться с горечью потери и описать спокойствие ушедшей на небеса родственной души.

Очевидно, что вся эта волна поэтов, если попытаться придать им общие черты, отнюдь не депрессивна: творчество, в частности, является здесь формой психотерапии, в котором участвует и читатель, будь то ровесник автора, или просто человек со схожим бэкграундом. Потому в этих текстах нет порой какого-либо смыслового саспенса — это просто выплеск чувств. Например, вряд ли среди прочитавших у Гульзили Гафуровой:

*Я тебя жду, не знаю, почему,
к тебе стремится душа.
Ты мое счастье, открывшееся осенью.
Пусть я сама буду счастьем твоим! —*

найдется тот, кто скажет, что в этих цветаевских чувствах есть хоть что-то им незнакомое. Это сетевая поэзия, которая либо цепляет сразу — либо нет:

*У глаз безнадежный цвет,
у сердца — остужающие чувства.
Я ведь еще не насытилась любовью,
еще жизнью не насытилась я.*

И поэтому мы не можем одним росчерком отделить личность поэта от его текстов, что легко сделать с классиками, которых, повторимся, мы можем наделить необходимыми чертами, называть их трибунами (при наличии большого массива любовных стихов) или романтиками (при том, что они могли полжизни заниматься сатирой). Так, у Гульназ Газизовой самое крепкое стихотворение связано с опытом материнства.

*...Не знаете вы... в ночной тиши,
остановив на миг мира поток,*

*как хорошо — сквозь полусон —
лежать и слушать дыхание ребенка своего!
Пусть ветер бушует в степях,
широкие реки шумят вдалеке
играя пламенем, пусть горят костер —
я не услышу этого тогда...*

Те, у кого в стихах не распознаешь суровых жизненных драм, берут образным рядом. У Гелюси Шигаповой метафоры роднят ее с Марселем Галиевым и Хади Такташем — с его улиц, верно, прибежали следующие строчки:

*Черную цепь у самой двери
лизет луны белый пес
Горячее дыхание, окунувшееся в молоко,
растопили городские улицы.*

Ранний тактакшевский романтизм продолжается и в «оптимистичном» блоке:

*Облака вы мои, перистые облака!
Неувядающая колыбель души моей.
Когда, глядя на вас, я веселюсь,
открывается в небесах двери радости.*

Другие, как Гузель Закирова, еще сильнее соединяют саморефлексию с традицией — скажем, с метаметафоризмом Пастернака, когда стихотворение, кажется, начинает писать само: там, где другие стремятся к краткости, Закирову, кажется, сами собой ведут ассоциации, когда она, так же, как и Миргаязов, переносит свои эмоции в окружающую среду:

*Заводы фырчат,
и от них густеют облака,*

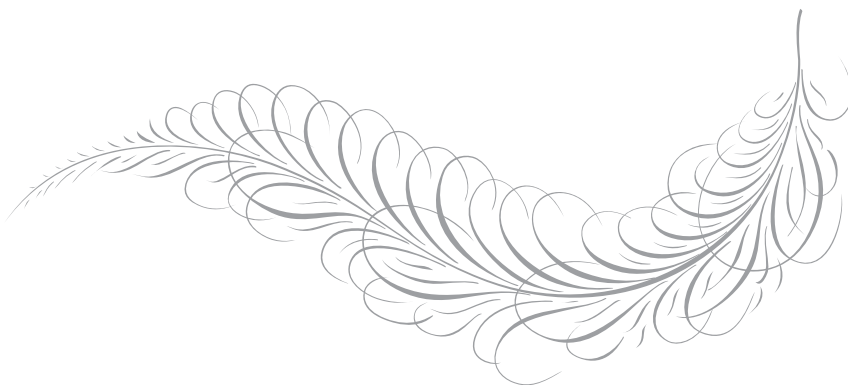
*и вновь безнадежно расходятся.
Если хочешь поймать тоску моей души,
перемножь на себя этот дым тысячу раз.*

Близки ей и бесстрашные волнения Зульфата, чья поэзия служит маяком для многих авторов. То же стремление выразить максимально афористично:

*Запусти свои мысли, что словно буран,
и со мной навсегда останься, а?
В этом распутном мире для души моей
ты мне дорог — как человек!*

У этих поэтов нет каких-то новых ценностей или возмутительных идей. Они крепко стоят в традиции, не расшатывают формы (как бы нам ни хотелось). В данный момент они находятся, верно, в той же стадии, что были первые русские классики постреволюционной эпохи — говорили языком настоящего, пытались немного всмотреться в будущее. Им от 19 до 25 — и их строчки абсолютно соответствуют этому возрасту. Но порой, в лучшие моменты, кажется, что это написал ты сам.

И, пожалуй, это первая волна татарской поэзии вне контекста толстых журналов. Конечно, их там печатают. Иногда. И они ходят в Союз писателей РТ. И литообъединения все так же проводят им сурово-ласковые читки. Любопытно, что лишь малая часть поэтов на этапе подготовки имела опыт декламации. Это явно не слэмовая поэзия, которая зацепит кого-то из массы. Возможно, она даже не для чтения вслух. Она для встречи тет-а-тет. Лайк, репост, перечитать, отправить письмом. Но лучше без картинок, прошу, без картинок. ■

ROLLING STONES

«Blue & Lonesome» (2016)

► Фарид Хайруллин

В 70-х Джон Леннон нередко иронизировал в прессе на тему живучести «Роллинг Стоунз», подтрунивая над тем, что и в тридцать с лишним лет они по-прежнему изображают из себя юнцов. Интересно, что бы он сказал, узнав, что в 2016 году, на 55 году существования группы, роллинги по-прежнему в строю и даже время от времени выпускают новые альбомы (я уже не говорю о неправдоподобно бурной для 74 лет личной жизни её фронтмена).

Конечно, вышедший в декабре альбом «Blue & Lonesome» только формально можно назвать новой пластинкой Stones, ведь все 12 песен из него являются кавер-версиями блюзовых стандартов их кумиров юности: Хаулин Вульфа, Литтл Уолтера, Мэдрик Сэма, Вилли Диксона, Мэмфиса Слива и др. Такого, надо заметить, роллинги не позволяли себе никогда, ведь даже на их дебютном альбоме «Rolling Stones» (1964) была одна авторская композиция «Tell Me». Впрочем, звучит «Blue & Lonesome»

настолько сочно, тепло и по-хорошему «небрежно», что любые возможные претензии к нему исчезают уже во время прослушивания первой композиции: «Just You Fool» (Бадди Джонсон, 1954). Чувствуется, что блюз для Stones по-прежнему родная стихия, и они, несмотря ни на что, до сих пор остаются, в первую очередь, блюзовой группой. Чего стоит одна только рыдающая гармошка Мик Джаггера в «Blue & Lonesome» Мемфиса Слива (1954г.)!

Поэтому рекламный слоган к альбому «Мы записали его за три дня, но перед этим играли блюз 50 лет» подобран весьма точно.

Материал для 25 студийного диска Stones (предыдущий «The Bigger Bang» вышел в 2005 году) был записан за рекордные три дня в декабре 2015 года в студии British Grove Studios в Западном Лондоне. Первоначально музыканты планировали придумать и записать новые песни, но постепенно поняли, что из этой затеи, ничего не получится. «Комната словно боролась с нами, – вспоминает Кит Ричардс. – Звук не работал, как мы ни старались. И тогда, чтобы расслабиться, мы решили исполнить старую песню Литтл Уолтера «Blue and Lonesome» (1965). Внезапно что-то изменилось. Мы все почувствовали это. Мик, воодушевленный результатом, предложил сделать записи и других блюзовых каверов. И всё завертелась...». Еще одним приятным сюрпризом стало участие на пластинке старого друга роллингов Эрика Клэптона, который, по счастливой случайности, записывал свой новый диск «I Still Do» (2016) в

соседней комнате студии. Его гитара украшает две самых ярких и запоминающихся, на мой взгляд, композиции альбома «Everybody Knows About My Good Thing» (Майлз Грейсон и Лермон Хортон, 1955) и «I Can't Quit You Baby» (Вилли Диксон, 1956). Обратите внимание, как роллинги аплодируют Клэпτονу в конце последней песни.

Не менее насыщенно и аутентично звучат другие композиции. Особенно хотелось бы отметить кавер на хит Джими Рида «Little Reed» (1957г.), который я лично переслушиваю не менее дюжины раз за день. Занимательный факт: в недавнем интервью Кит Ричардс признался, что во время записи этой песни ему привиделся призрак Брайана Джонса: «Последний раз я играл «Little Rain» еще с Брайаном в середине 60-х. И тут спустя полвека он появился передо мной снова. Сказать, что я удивился, ничего не сказать. Но играть, тем не менее, я не перестал».

Продюссировал диск, как и три предыдущих студийных альбома Stones, Дон Уоз. По его словам, Blue & Lonesome – манифест чистой любви роллингов к музыке, ведь блюз – это источник всего, что они делают.

Конечно, ничто не вечно в этом мире. Вот даже, казалось бы, бессмертные Владимир Зельдин и Фидель Кастро покинули этот мир. Но, глядя на вечных юнцов из «Rolling Stones», грозящих в 2018 году выпустить очередную новую пластинку, хочется верить, что «время по-прежнему на их стороне». И что другая жизнь во всем этом безумном кафкианском мире всё-таки возможна. Ну, вы понимаете, о чем я...?

ПОРТ
ОТД
КНИЖН
НАУ
ПРОЗ
ИМ ТОЖЕ Б
ИЗДАТЕ
ЧЕЛОВЕ
ВЧЕРАУ
ДЕБЮ
ТЕТР
СВОИМ
VS СЕП
НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО
БЛОЖКИ
ВЕЧНЫЙ
ВОЛНА
ОТД
КНИЖНОГО
НАУКО
ПРОЧЕН
ОТ ТАТАРС
БЫЛО ДВАДЦАТЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИЗ
ОТДА
КНИЖНОГО
НАУКО
ПРОЧЕН
ОТ ТАТАРС
БЫЛО ДВАДЦАТЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИЗ

ТОХИ АКТИВНЫЙ

ЛОЖКИ СВОИМИ

АЮБИ
О ДВАДЦАТЬ
ЕЛЬСТВА
ФОТОФИКСАЦИЯ
НОВАЯ
ВЧЕРА VS
АКТИВНЫЙ
АРСКОГО
ЕРЕВОДЕ
ДЕБЮТ
ОВИНКИ
ИМ ТОЖЕ
НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО
КНИЖНОГО

- > ПРОГУЛКА СО ЗВЕЗДОЙ
- > ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ
- > МНЕНИЕ
- > DIXI

► Альбина Абсалямова

ОДИССЕИ Альберта Галимова

Дорогие места детства, исчезнувший город... Сегодня мы ищем его тени с человеком, знакомым всем в казанской творческой среде. Альберт ГАЛИМОВ – замечательный художник и не менее талантливый врач-травматолог, заведующий отделением травматологии в городской поликлинике №7.

Что рассказать о моей прабабушке? Она окончила Мариинскую гимназию, была очень образованным человеком, работала на телеграфе... Их было четверо – брат Николай (о нем я знаю мало), Вера, Ольга и Сергей. Не так давно произошел интересный случай: на Арском кладбище одна женщина оставила записку, мол, кто ходит на эту могилу, мой телефон такой, позвоните. Оказалось, что ее прадед и моя прабабушка были брат с сестрой. Так мы нашли спустя четыре поколения...

... Двухэтажный дом по адресу Пушкина, 14, где я родился и вырос, был простроен еще моим прапрадедом – Федором Васильевичем Бурковым. О нем я знаю немного: был он инженером-геодезистом, принимал участие в строительстве Черныярского пассажа. В семейном архиве сохранилось лишь одна его фотография, на которой он одет в форму инженерных войск. Сохранился и значок с фуражки прадеда: скрещенные лопатка и топорик...

Сегодня на месте нашего дома расположен построенный не так давно офисный центр... Моя двоюродная сестра рассказывает, что иногда бывает там в кафе на втором этаже и смотрит на стоящее напротив здание бывшего музыкального факультета как бы из окна нашей квартиры. Но мне не хочется туда подниматься...

Дом на углу Горького и Пушкина имел номер 16, наш был четырнадцатым, а рядом располагался двенадцатый, так называемый «дом с аркой». Так и говорили – пойдём играть под арку. Двор в соседнем доме был просторным, там можно было вдоволь побегать, поиграть, а вот двор нашего дома был совсем небольшим, в нем росло единственное дерево. Зато какое – посаженный моим дедом каштан! В городе каштанов тогда не было, только в зоопарке – еще один, и я гордился, что такое редкое дерево растёт именно в нашем дворе.

До революции дом принадлежал нашей семье. Потом началось уплотнение... Нам оставили лишь часть второго этажа. Сначала – три комнаты, а потом, когда в конце 37-го арестовали и по обвинению в высказываниях против Советской власти расстреляли на Черном озере мою прабабушку, комнат у нашей семьи осталось только две.

Вера Федоровна и моя прабабушка Ольга были погодками. Вера была ученицей Фешина, пожалуй, она – самый известный человек в нашей семье. Своей прабабушкой я считал именно ее, я ее хорошо помню, она умерла, когда мне было 8 лет. Жила она на улице Калинина вместе с мужем – известным врачом Константином Никитиным, совсем рядом с домом, где жил Велимир Хлебников. Этот дом тоже снесли...

Вера Федоровна приходила к нам по праздникам. Делали пельмени всей семьей. У нас был огромный дубовый стол, мне казалось, что под ним может поместиться целый стадион. Выкладывали на клеенку тесто, муку... Иногда и мне давали сделать что-нибудь из теста: птичку, мышку... Это было здорово.

... А в доме у нас было так. Заходишь, поднимаешься по большой деревянной лестнице. Лестница

крепкая, с дубовыми перилами, без признаков каких-либо повреждений. Сейчас уже не вспомню: сколько там было ступенек? 14, 16?.. Открываешь обитую дерматином дверь, попадаешь в квартиру. Прямо в коридоре – плита, у которой всегда стоит бабушка. Как таковой кухни нет, и для того, чтобы раздеться, бабушку нужно обойти... С другой стороны – печка, на моей памяти – уже газовая. Бывало, прибежишь с мороза, прижмешь к ней руки – хорошо! А бабушка ворчит – куда, мол, с порога, весь мокрый...

На первом этаже жили две татарские семьи – Тимершины и Гариповы. В обеих семьях росли мальчишки, оба Эдики. Один меня на год старше, другой на год младше. Гуляли мы вместе.

Обычно ходили в Ленинский садик. Дорогу переходили без всяких светофоров, хотя движение на улице Пушкина было насыщенным: и трамвай, и троллейбусы, и машины... Чем занимались? На пустыре за музфаком играли в футбол, причем состав играющих был небольшим. Несмотря на то, что особых хулиганских разборок в те годы не было, деление по зонам обитания уже начало за-

рождаться. Безумные масштабы оно приобрело позже, но и тогда мы не решались ходить в некоторые места, например на улицу Тельмана, там было враждебно... А вот на «Динамку» ходить было можно, там собирались «свои».

В Ленинском садике росли шампиньоны. Возможно, они растут там и сейчас, но сегодня никому не придет в голову собирать грибы в городе. Тогда же это было в порядке вещей. Видишь бугорок и трещинки, обводишь пальцем и находишь гриб... Я регулярно приносил домой пакетик шампиньонов. На выходе получалось не больше двух столовых ложек жареных грибов, но я их с удовольствием съедал.

У лестницы, которая ведет к Университету, стоял памятник Ленину, один из первых в стране. А под горой был ветхий домик, в котором жили дворники. Такие домики тогда имелись в каждом парке... Однажды, будучи еще дошкольниками, мы с Эдиками отправились туда полазить. Ребята залезли на гору и стали бросать на крышу домика пустую банку. А я ходил вниз и переворачивал валявшиеся рядом старые доски, под которыми кишели червяки, ухо-

вертки, мокрицы. Мне было очень интересно. А Эдики кидали банку, и она с грохотом скатывалась вниз. Вдруг слышу, кричат: «Бежим, сейчас кто-нибудь выйдет!» А я не побежал, рассуждая: я же ничего не кидаю, хожу просто так, чего мне бояться?

И тут из дома выбегает парень (тогда он показался мне очень большим, хотя, наверное, был подростком), хватает меня и говорит, что сейчас отведет в милицию! Кое-как удалось уговорить его отпустить меня ...

А ребята ждут поодаль, там, где сейчас памятник Бутлерову, спрашивают: «Что же ты не убежал?» Отвечаю: «Так я же ничего не делал...» Они в ответ: «Эх ты, дурак...» Так я понял, что, даже если ты ничего не делал, лучше убежать. Это стало для меня большим уроком.

На «Динамо» в футбол играли уже серьезно. Собирались пацаны со всего района, вроде бы свои, но все равно дрались... Залезали на стадион через дырку в заборе. Иногда в футбол играли взрослые, полупрофессиональные команды. В такие дни на трибуны уже не пускали, да и официальный вход был по билетам. Но если пролезть через дырку и спрятаться

за воротами, уже, как правило, не трогали. Долгие годы мне казалось, что игру и нужно смотреть так, из-за ворот. Уже потом, с появлением в доме ТВ, долго не мог привыкнуть, что ракурс совсем другой...

Табло на «Динамо» не было. Бывало, лежим, спрятавшись за воротами, тихо смотрим. К вратарю, когда он не занят, подходит какой-то мужик, спрашивает:

- Привет, ну какой счет?
- Такой-то, проигрываем.
- А как забили-то тебе?

– Ну, один с пенальти, другой со штрафного... Ну, все, атака, идите!

Вот такие у меня первые представления о футболе: смотрю из-за ворот, и вратарь все знает...

Иногда на «Динамо» приходили детские тренеры. Они садились на трибуну и смотрели, кто как играет. Тех, кто мог набить мяч пятьдесят раз, приглашали прийти в детскую футбольную секцию. Но мой рекорд был лишь двадцать. В основном я стоял на воротах...

В шесть лет я начал ходить в изостудию в Дом пионеров им. Алиша. Занимались 2-3 раза в неделю. В гардеробе были таблички – «авиа-модельный кружок», «танцы», а у нас всего три больших буквы – ИЗО. Мне

было обидно, что нас называют так кратко...

Изостудию тогда возглавлял художник Вячеслав Михайлович Лысков, не так давно из Штатов приехала его дочь, тоже художница, делала его персональную выставку, в которой участвовали и выпускники изостудии: Татьяна Голубцова, Саша Новиков, я... Я застал его совсем чуть-чуть, он умер рано, в сорок с чем-то лет: стало плохо в трамвае... Но все равно я его очень хорошо помню. Уровень преподавания в изостудии был очень высоким. Нам преподавали перспективу, цвет, мы занимались керамикой, на линолеуме вырезали гравюры... Преподавание было совершенно разносторонним, уровня средних классов «художки», куда я и пошел учиться позже. Помню, как однажды Вячеслав Михайлович спросил меня: «А какие у тебя художники любимые?» Я ответил: «Шишкин». Он говорит: «А почему он тебе нравится?» «Красивые сосны». «А ты не заметил, что они как на фотографии?» Ну что я могу ответить? Сижу, молчу. Он продолжает: «А ты не обращал внимание, что на закате сосны бывают красные, и на рассвете, и даже лошадь может быть красной, хотя она белая?» Я тихо отвечаю: «Заме-

тил...» Так он пытался научить меня основам импрессионизма... Много раз потом я вспоминал этот разговор.

Учился я в 18 школе. Ходил туда сам, через Лядской садик. Мои одноклассником и близким другом был Артур Мустафин – сын замечательного поэта Виля Салаховича Мустафина. Сначала они жили на Зур Урам, а потом переехали на Искру. Но на Галактионова у Артура жила «тетя Чича», Чачка Салаховна – родная сестра Виля Салаховича. Сегодня она живет на улице Татарстан. Иногда Артур оставался у нее, и тогда из школы мы шли вместе. «Как пойдем? – спрашивал меня Артур. – Просто так или «по одиссеям»?» «Одиссеи» – это снеговые горы, которые вырастали на обочинах дорог после чистки снега. Это поэтическое название придумал Артур. Идти «по одиссеям» было

большим удовольствием. Проваливаешься по пояс, по колено, приходишь домой весь мокрый, но счастливый.

С математикой у меня было не очень. А в двенадцатом доме, под аркой, жил пенсионер дядя Рафгат, бывший учитель математики. Мама договорилась с ним о дополнительных занятиях для меня. Дядя Рафгат непрерывно курил, не выпускал папиросу изо рта. Впрочем, к табачному дыму я привык, мой дед тоже курил, хотя и не дымил по всей квартире: зимой он садился у печки, открывал железную заслонку, сидел вплотную и выдыхал прямо в печь, а мощная тяга сразу все уносила. Летом дед курил во дворе... Занятия математикой проходили очень интересно. Учитель быстро решал мне домашнее задание, а потом говорил: «Ты же художник, давай нарисуй мне зайца, лошадь, петуха. И всегда приговаривал – как здорово, что ты умеешь рисовать! А я вот не умею...»

Очень хорошо помню, что у него на стене висел большой лист ватмана, на котором был изображен жокей на лошади, перепрыгивающей через барьер. Причем изображен так, как бывает на уроках рисования, схематично. Видимо, это он в свое время пытался рисовать... Наверное, мечтал стать художником, но у него не вышло, и ему было интересно, как такой маленький мальчик, как я, может так хорошо рисовать...

Помню замечательный хлебный магазин на углу улиц Пушкина и

Галактионова, куда мы с мальчишками забегали за кукурузными палочками. Палочки продавались в картонных коробках, у которых мы быстро отрывали верх и тут же съедали содержимое. После того, как поиграешь в хоккей часа три подряд, очень хотелось есть... Несмотря на то, что в магазине продавались и пирожные, и ромовые бабы, и сам хлеб, внимания на это все мы не обращали. А вот кукурузные палочки были своеобразным фетишем. ■

Мне очень жаль, что дома моего детства больше нет. Жаль, что не догадался ни сфотографировать, ни нарисовать его. Но в памяти он останется навсегда...

► Фарид Хайруллин

КЕН ХЕНСЛИ: «Я с детства мечтал стать рок-звездой, как Элвис Пресли»

КЕН ХЕНСЛИ – в истории рока один из самых талантливых и авторитетных музыкантов, чьи песни знают и любят уже несколько поколений меломанов. Музыкальные эксперты ставят его в один ряд с величайшими мелодистами современности: Полом Маккартни, Бобом Диланом, Ричи Блэкмером и Полом Саймоном. Стоит один раз услышать песни Кена, и понимаешь, что перед тобой то – самое живое, настоящее искусство, которому, увы, почти не осталось места в современной жизни, тем более, в шоу-бизнесе. Большинству из нас Хенсли известен в первую очередь как участник «золотого состава» «Uriah Heep» (с 1971-1980 гг.) – культовой рок-группы, празднующей в этом году свой 45-летний юбилей. Именно Кен сыграл решающую роль в восхождении «хипов» на «музыкальный Олимп» в 70-х годах, когда в течение 10 лет сочинил несколько десятков хитов, благодаря которым «Uriah Heep» популярны и по сей день. Все альбомы британских рокеров вплоть до 1980 года отличались высоким качеством подбора музыкального материала и виртуозностью исполнения. Впрочем, не стоит недооценивать и сольное творчество Кена, выпустившего, как минимум, пять блистательных пластинок в 80-90-х годах.

2016 год был для рок-музыканта, композитора культовой рок-группы «Uriah Heep» Кена Хенсли достаточно плодотворным. Он снова провел множество аншлаговых концертов по всему миру, выпустил новый сингл «Free (The Song of Amur)» и собрал материал для нового альбома, который обещает выпустить в следующем году.

«Идель» представляет вашему вниманию небольшое интервью с музыкантом, которое наш корреспондент взял у него, воспользовавшись Интернетом.

Кен, с высоты прожитых лет как сегодня считаете: можно ли было сохранить Дэвида Байрона в группе или его уход был неизбежен?

Да, можно его было оставить, однако Дэвид был алкоголиком. Я его не осуждаю — сам тогда сидел на наркотиках. Но все-таки у Дэвида все было куда серьезнее и сложнее. К тому же он был фронтменом, лицом коллектива, поэтому его запои наносили куда больший вред группе, чем наши «шалости». Меня часто спрашивают о Дэвиде и о Гари Тэйне: достаточно ли мы сделали, чтобы помочь им? И я вынужден констатировать: нет, не сделали. Мы могли хотя бы попытаться дать ребятам шанс справиться со своими проблемами, пройти реабилитацию, временно отложив концерты, однако никто из нас на это не решился. И я до сих пор ощущаю чувство вины по этому поводу.

Какое впечатление оставило у вас недавнее, в сентябре этого года, выступление с Uriah Heep? Не планируете ли записать с группой новый материал?

Впечатления были просто фантастические. У меня сложилось удивительное ощущение, будто я каким-то образом попал в прошлое, в 70-е годы, когда «Uriah Heep» были на пике популярности. А ведь вместе мы не играли чётрову уйму лет (более 15 — прим. автора). Говорят, вышло у нас весьма неплохо. В настоящее время мы с Миком обсуждаем возможность

дальнейших концертов. Что касается нового материала, то мы все уже достаточно взрослые люди, а потому открыты для самых разных идей и не скованы различными предрассудками. Так что я ничего не исключаю. Хотя приоритетным для меня всегда остается мое сольное творчество.

Понравился ли вам новый альбом Uriah Heep «Outsider»?

Откровенно говоря, я пока не очень внимательно его прослушал. Вообще, если можно, оставляю этот вопрос без комментариев (многозначительно улыбается).

Что вас вдохновляло, когда вы только начинали?

Совсем маленьким я начал писать стихи. Потом увидел по телевидению Элвиса и решил, что мои стихи должны стать песнями. К тому же вокруг него были такие красотки!.. И я захотел заниматься тем же, чем и он! Стать настоящей рок-звездой, кумиром молодежи и все такое. Кстати, папе эта идея абсолютно не нравилась, но потом мы с ним друг друга все-таки поняли. Слава богу. Думаю, моя слава существенно изменила его взгляды.

Ваш последний альбом вышел почти четыре года назад. Когда нам ждать новой пластинки?

Я сейчас активно над ним работаю и не хотел бы рассказывать о нем слишком много. Считаю это дурной приметой. Одну из песен с будущего

диска вы могли услышать на концерте. Она называется «September Magic». Как я упомянул на концерте, в прошлом году мой друг попросил написать песню для свадьбы его дочери. Обычно я на заказ не пишу. Но так как он очень хороший и принципиальный человек, я сказал, что попробую. Сел за пианино, и песня сразу пришла в голову. На свадьбе она всем понравилась, надеюсь, понравилась и вам.

В ближайшее время начнется масштабное переиздание всех альбомов Uriah Heep. Будет ли на ней что-то действительно эксклюзивное и ранее не выходившее?

Безусловно, в переизданиях будет множество интересных бонусов, ауттейков и редких вещей. Сейчас вопрос того, что туда войдет конкретно, активно обсуждается. Я хочу, чтобы серия стала важным дополнением к коллекции самого взыскательного меломана.

Могли ли вы представить себе в юности, что будете играть рок-н-ролл и собирать полные залы и на восьмом десятке?

Я как-то особенно об этом не задумывался. Когда тебе двадцать, будущее интересует тебя в последнюю очередь. В общем я рад, как сложилась моя жизнь. Я до сих пор занимаюсь любимым делом и до сих пор интересен публике. Разве это не здорово? ■

► Кирилл Зулкарнай

Скорпионы, клещи, песочные блохи...

За последние двадцать лет ввиду экономических, политических, религиозных конфликтов мир увидел десятки социальных конфликтов, через которые прошли миллионы людей. За сухими сводками с полей боев мы не замечаем важный фактор: человека на войне и его мироощущение, осмысление себя на войне. Через оригинальные фотографии американского солдата из Ирака и подлинное письмо американского морского пехотинца из Афганистана мы пытаемся приблизиться к пониманию людей, кто волей судьбы оказался втянут в военные конфликты.

«Пожалуйста, прочитайте письмо от зятя моего друга, служащего там. Нет необходимости отвечать, прочитайте и, если хотите, перешлите другим людям.

Скорпионы, клещи, песочные блохи... От морского пехотинца в Афганистане.

Из Песочницы¹. Здесь морозно. Я сижу на жесткой, холодной грязи между камнями и кустарниками на базе у горы Гиндукуш, около реки Дар'Йой Памир, и наблюдаю за дырой, которая ведет к туннелю в пещеру. Только слежка, мой друг, и никакой доставки пиццы на тысячи миль.

Еще я смотрю на область вокруг моей задницы каждые десять или пятнадцать секунд, чтобы избежать очередного скорпионьего жала. Я уже перестал сражаться с клещами и блохами, но укус скорпиона подобен тому, что меня протыкают вилами. Очень больно, зараза. Противоядие на вкус как масло для коробки передач, но, слава богу, у морских пехотинцев в сумке лежит по пять флаконов.

Единственная правда, от которой не убежать Талибану, это, верьте или нет, то, что они люди и должны есть и пить воду. Для этого нужны курьеры, и вот тут-то и приговорают-

¹ Сленговое название стран Средней Азии в западных войсках.

ся старые охотники за славой типа меня. Я выслеживаю курьеров, определяю местонахождения входов в туннели и возможности для складирования, ввожу данные в карманный компьютер, отправляю координаты на спутник, откуда уже идет сообщение воздушному командованию, куда проводить бомбардировку. Мы разбиваем немного черепушек, а дальше я опять отслеживаю и записываю передвижения.

Все это касается разведки. Пока мы даже не вводили ни одного снайпера. Эти спящие крысы не имеют ни малейшего представления, во что они ввязаны. Но пока мы еще далеки от того, чтобы отрезать все поставки и начать искоренение.

Я мечтаю о том, что когда-нибудь Бен Ладен проснется и обнаружит меня стоящим над ним и прижимающим сапог к его горлу, и в этот момент я плюну ему в лицо и пробую его лоб своим никелированным ножом. Но вы меня знаете, я романтик. Я говорил это раньше, и я скажу это еще: эта страна отстой, чувак. Это даже не страна. Здесь нет дорог, нет инфраструктуры, нет правительства. Это негостеприимная, каменная дыра с дерьмом, управляемая воинствующими племенами из одиннадцатого века. Тут даже нет работ и профессий, которые мы знаем в нормальных странах.

Афганистан предлагает мужчине два пути содержать свою семью: присоединиться к торговцам опиумом или присоединиться к армии. И всё. Это весь твой выбор. А, совсем забыл, ты также можешь жить в лагере для беженцев и есть сладкую, как сливу, пасту из раздавленных жуков и плевать грязью, как гуси с гриппом желудка, если это твой вариант идеальной вечеринки. Но один только запах этих «палаточных городков ходячих мертвецов» заставит тебя броситься в маковые поля и собирать луковички по 18 часов в день.

Я живу с ними уже больше полутора месяцев и сейчас могу сказать с полной уверенностью: все эти ребята – Гунны... Правда, живые Гунны. Они живут для драки. Вот, что они делают. И это все, что они делают. У них нет уважения ни к чему, ни к их семьям, ни друг к другу, ни к себе. Это их образ жизни – впиваться друг в друга. Они играют в поло мертвым скотом и заставляют своих пятилетних детей защищать семейную честь в людских «петушиных боях». Гунны, источающие жестокость пачками, бессердечные звери, кормящиеся варварством

друг друга. Пещерные люди с АК-47. Хотя, может, это со мной что-то не так?

Я морожу свой зад на этом тупом холме, потому что мой обогреватель разрядился и до рассвета я не смогу никак его зарядить. О да! Вы любите писать письма, правда? Окажите мне услугу, необычную. Напишите письмо на CNN и скажите Вольфу и Андерсону, чтобы этот ужасный, насмешливый и помпезный Аарон Браун прекратил называть Талибан сообразительным. Они не сообразительные. Я предлагаю CNN порыться в словаре, потому что слово, которое они ищут – коварные. Талибан коварен, как шакалы, гиены или россомахи. Они хитрые и беспощадные, но очень трусливые при столкновениях. Они ненавистные, злостные паразиты, которые ничего не создают, но разрушают все остальное. Сообразительные... Пфф. Да, очень сообразительные.

Они проводят всю свою жизнь, читая лишь одну книгу (и не очень хорошую, судя по всему) и смотрят на гигиену и водопровод как на продукты дьявола. Они до сих пор пытаются понять, как работает зажигалка. Говорить с талибом о том, как улучшить его жизнь, это как пытаться научить макаку держать шариковую ручку. В итоге ее это утомит, и она ткнет ею тебе в глаз.

Ок, хватит. Мне пора возвращаться к моей дыре. Заметать следы в снегу требует много тренировок, но я в этом хорош.

Пожалуйста, я говорю вам и моим друзьям-американцам, выключите телевизоры и живите собственной жизнью. Сюжеты, которые вы видите на CNN и других новостных каналах, – полная хрень, и сделана она не для того, чтобы распространять правду, а чтобы приклеивать людей к экранам в ожидании рекламы. Это под контролем. Худшее, что вы можете делать сейчас, – это сидеть и анализировать, чем мы занимаемся в Афганистане, потому что вы не имеете никакого понятия, что мы делаем, и, на самом деле, вы и не хотите этого знать. Мы ваши солдаты, и мы делаем то, для чего вы нас сюда отправили. ■

«Хотите помочь? Покупайте американские облигации.

Дерзкий Джек

Морской Пехотинец в Афганистане.

Всегда верен.

Свобода не бесплатна... Но морпехи США заплатят большую часть твоей доли».

► **Айса Ахмяров** — член Союза журналистов России, студент факультета истории и права Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева

БЫТЬ ПАТРИОТОМ — ДЕЛО ЧЕСТИ

Сегодня тема патриотизма актуальна как никогда. Сейчас многие из нас не могут найти примера для истинного патриотического подражания. Но, оказывается, эти примеры вокруг нас. Это – ветераны Великой Отечественной войны. Ведь мы последнее поколение, которое видит живых ветеранов.

В Советском Союзе было очень много патриотов, они не просто на словах, а на деле показывали и даже доказывали свою любовь к Родине, чтили и помнили историю своей страны, ценили межнациональное согласие. Многие из них были добровольцами в различных общественных организациях, каждый простой рабочий трудился на своем месте с любовью к Родине. Для меня идеалом патриотизма служит простой советский парень, так как он мужествен, горд за свою Родину, он всегда придет на помощь, он состоит в общественном движении: тимуровец, волонтер, комсомолец и др.

Сегодня в России тоже есть патриоты, сыны своего народа. К числу этих людей я отношу и себя. Я патриот и стараюсь сделать все возможное для укрепления России. Патриотизм не имеет национального или религиозного оттенка. Доказательством этого служат герои Великой Отечественной войны разных национальностей и религиозных убеждений. Для меня образцом являются мой дед и прадед, которые, как и предста-

вители других национальностей, мужественно отстояли нашу Родину во время Великой Отечественной войны.

Сам я татарин, и у меня в сердце не меньше патриотизма и гордости за свою страну, чем у представителей других коренных народов России. К большому сожалению, сегодня в России некоторые видные политические деятели позволяют себе оскорблять определенную часть населения по национальному признаку, но все мы, трезво мыслящие люди, знаем, что они лишь провокаторы! Нас разделяют по национальностям, по политическим убеждениям, по социальному статусу, по отношению к религии. Это неправильно, так мы не будем единой, сплоченной нацией.

Я, как патриот своей страны, изучаю историю России и своего народа, активно участвую в волонтерской деятельности, добровольно вступил в профсоюз своего педагогического института, как общественный наблюдатель я участвовал в проведении ЕГЭ, я интересуюсь политикой – и такая деятельность мне по душе. В будущем

мечтаю работать в Общественной палате Республики Мордовия, хочу быть членом Общественной наблюдательной комиссии при ФСИН РФ. А самое главное – хочу полноценно овладеть профессией педагога. Тем самым я хочу внести вклад в возрождение своего Отечества. Настоящими патриотами Отчизны будут лишь те, кто уже сегодня, здесь и сейчас, ведет активный образ жизни!

Иногда мне приходится выслушивать насмешки со стороны разных людей, они, часть «золотой молодежи России», сегодня смеются над патриотами, над людьми, которые смотрят новогоднее обращение Президента России, читают книги и добровольно хотят пойти в армию...

К сожалению, с таким негативом приходится сталкиваться сегодняшним патриотам России. Нам надо беречь межнациональное и межконфессиональное согласие, укреплять братство народов, нести идеи высшей справедливости и гуманизма. И эти стремления будут ярко символизировать дух патриотизма в нашей стране. ■